ПИОНЕР 20

П29
34

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“ 1935 г.

К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР № 20

Орган Центрального комитета ВЛКСМ.
Адрес ред.: Тверская, 48. Тел. 5-57-38

Октябрь 1935

24 октября (6 ноября) 1917 года Ленин писал в «Письме членам ЦК»:

«Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь уже поистине промедление в восстании смерти подобно.

... Надо во что бы то ни стало сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и так далее.

Нельзя ждать! Можно потерять все!!!

... Правительство колеблется, надо добить его во что бы то ни стало! Промедление в выступлении смерти подобно» [1], — заканчивает Ленин.

И поздно вечером 6 ноября переодетый Ленин переходит из Лесного в Смольный. Отсюда ЦК партии с Лениным и Сталиным во главе руководит вооруженным восстанием.

Смольный напряжен. В Смольном—деловая суета. Непрерывный поток людей. Входят и выходят красногвардейцы, матросы, рабочие. Вносят и выносят ящики с винтовками, револьверами, патронами. Пролетариат вооружается. Беспрерывно трещат телефоны. В Смольном скрещиваются все нити восстания. Один из моментов жизни Смольного в Октябрьские дни изображен на обложке.

К утру 25 октября все опорные пункты Питера в руках рабочих. Заняты вокзалы, Государственный банк и другие учреждения. Но Временное правительство еще занимает Зимний дворец. Матросы, красногвардейцы и рабочие готовятся атаковать Зимний. Миноносцы Балтийского флота вошли в Неву. «Аврора» продвинулась к самому Николаевскому мосту. Десанты прибывших из Кронштадта моряков высадились на Неве.

Все ждут сигнала, чтобы начать наступление.

И вот, ровно в 21 час раздался первый орудийный выстрел из пушек Петропавловской крепости. Вслед за этим «Аврора» дала по Зимнему дворцу два холостых выстрела. Они послужили сигналом для атаки. В темноте, освещенные лишь отблесками выстрелов, с победным «ура» бросились красногвардейцы, солдаты и матросы на штурм Зимнего.

К 2 часам ночи Зимний дворец был весь занят войсками Военно-революционного комитета.

На обложке нашего журнала помещаем снимки с картин, находящихся в Музее революции. Первая — Ленин в Смольном, художника Соколова, вторая — Десант с «Авроры», художника Шухмина.

---

[1] Из письма В. И. Ленина. Соч. Т. XXV, стр. 363.

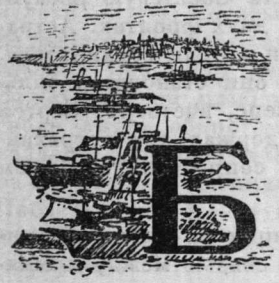
Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

Киров в Астрахани. Гравюра на дереве С. Мочалова (Ленинградская выставка, 1935 г.).

БОИ ЗА КАСПИЙ

(Из жизни С. М. Кирова)

Б. Ивантер, по воспоминаниям К. А. Мехоношина



Был Сергей Миронович всегда сухопутным человеком. В Астрахани в 1919 г. пришлось ему стать моряком. И удивительно, как быстро, на вид будто играя, на самом деле напряженно и настойчиво, ознакомился он с особенностями морского дела, с вождением судов, с тактикой морского боя.

Как известно, Каспийское море — море закрытое: со всех сторон оно окружено сушей. Корабли по этому морю ходят только те, которые там же и построены.

В то время фактическими хозяевами моря были англичане. Но, конечно, суда свои они туда провести не могли. Оставались там две канонерки от царского Каспийского флота. Взяли англичане торговые пароходы, прежде плававшие по Каспийскому морю, обшили их броней, поставили на них пушки. Пойди, возьми их! Этот флот плавал по Каспийскому морю, обстреливал советские берега, высаживая десант.

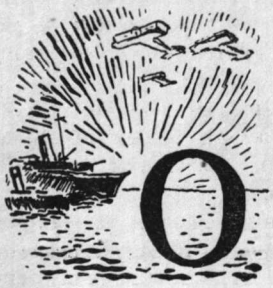
И вот пока англичане были хозяевами моря, над Астраханью все время висела опасность: ну, прогнали их сегодня, а завтра они опять могут придти, опять обстреливать, опять грозить красной Астрахани.

Дело было не только в Астрахани. Астрахань была местом, где красные войска копили силы, чтобы овла-

деть всем Каспием. Каспием нужно было овладеть, чтобы восстановить советскую власть в Азербайджане, помочь бакинским рабочим сбросить со своей шеи англичан, получить нефть, которая нужна была революции.

Для этого нужно было уничтожить флот противника. Но как же это сделать? С суши морские суда не завоюешь. Для того чтобы взять морской флот противника, нужно выставить против него свои боевые корабли. Нужно, значит, добыть свои миноносцы, откуда-то достать крейсера. А город отрезан от моря сторожевыми заставами английских миноносцев. Для кораблей есть только одна дорога, и то не морская, а речная.

Владимир Ильич Ленин много думал об астраханском фронте. Наконец, он решил: если нельзя послать корабли морем, пошлем их речным путем. И вот из-под Кронштадта, из питерского порта, петляя по речным излучинам, пробираясь через шлюзы Мариинской системы, поплыли на помощь Астрахани военные суда красного Балтийского флота. Морские корабли не приспособлены к речному плаванию: у них большая осадка, того и гляди сядут на мель. Питерцы выбрали корабли полегче, освободили их от лишнего груза, топлива дали чуть-чуть, в обрез, и корабли пошли, в опасных местах цепляя волжское дно своими острыми, морскими килями. Питерские корабли пришли в Астрахань. К этой флотилии добавили несколько торговых пароходов, обшили их броней, назвали их броненосцами и крейсерами. Это легко сказать: обшили броней и назвали броненосцами. День и ночь шла работа. Астраханские рабочие, жившие на голодном пайке, отдавали последние силы, переделывая и перестраивая суда. Сергей Миронович был душой этого дела. Он всегда был механиком в душе, только условия не позволяли, а здесь механика нужна была революции и он влезал во все дела, сам прикидывал, как что нужно делать. Видно было, что это его любимое дело. И вот в устье Волги появился морской военный флот. Тут были и миноносцы, и истребители, и даже 3 подводных лодки — всего около 40 судов, по тому времени грозная сила.



ВЗЯТИЕ ФОРТА

Однако, пока эти 40 кораблей стояли в волжском устье, они для противника были не опасней 40 яликов. Почему? Во-первых, потому, что до моря от Астрахани добрых 60 километров морским каналом. Да и после канала не сразу начинается открытое море. Там мель, которую трудно пройти. И корабли начинают чувствовать себя кораблями в воде, а не рыбой на мели, только на 12-футовом рейде за 150 километров от Астрахани. Однако это еще не все. 40 кораблей становятся грозной и могучей силой тогда, когда они научились вместе действовать, как говорят моряки, тогда, когда они сплавались. А пока эти морские суда не сплавались, это не флот, а просто собрание кораблей. При встрече с противником корабли этого флота будут беспомощно тыкаться то в одну, то в другую сторону, тогда как сплававшийся противник будет действовать как единый бронированный кулак.

Значит, задача была такая: прежде всего выйти в море, пробиться сквозь неприятельские заграждения, занять удобную гавань и в этой гавани, в свободном море, собрать корабли в боевую единицу.

Этой операцией взялся руководить Сергей Миронович лично. Было это весной 1919 года. Пасмурным днем, следуя друг за другом, вошли в морской канал все 40 судов Астраханского флота. По этому каналу нужно было пройти с молниеносной быстротой, так, чтобы не заметил противник, так, чтобы самолеты не нащупали эти корабли сверху. С большим трудом суда прошли к вечеру этот канал и к ночи были на 12-футовом рейде. Тут нужно было запастись топливом.

Не успели еще корабли проделать это, как на горизонте показался противник. Противник пошел одновременно и с моря и с воздуха. Наши моряки рвались в бой. Однако Сергею Мироновичу вовсе не хотелось подставлять еще не сплававшиеся суда под снаряды и бомбы англичан. Он постарался сделать этот бой по возможности более коротким. Ему помогла темнота. После того как противники обменялись несколькими выстрелами, Кирову удалось оторваться от врага.

Но Сергей Миронович пошел не обратно, в дельту Волги, а налево, к форту Александровскому, на восточном берегу Каспийского моря. Это там была удобная гавань, там была радиостанция, через которую вели друг с другом переговоры Деникин и Колчак, там поднималось партизанское движение против белых генералов.

В форте Александровском шла обычная для того времени жизнь. Фронта там очень близко не было. Работала радиостанция. Белые офицеры развлекались, как могли, в этом унылом городишке, брошенном между степью и морем.

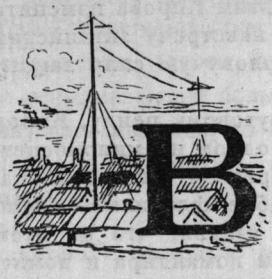
Когда кировская флотилия появилась в Александровской гавани, никто и подумать не мог, что это большевистские корабли. Откуда им быть здесь, в закрытом море, да еще в таком количестве? Белые опомнились только тогда, когда отряды моряков начали занимать одно за другим учреждения белых. Но первым делом Киров стремился занять радиостанцию.

Сергей Миронович хорошо знал, чего стоила эта радиостанция на морском берегу. Две огромные белые армии — колчаковская на востоке и деникинская на юге—с двух сторон осаждали Советскую республику. Они дрались порознь, на двух фронтах. Астрахань была тем местом, где они хотели соединиться. Если две армии соединяются, они становятся сильней не вдвое, а, по крайней мере, вчетверо. Сергей Миронович с 11-й армией и держал эту астраханскую крепость, на два фронта сопротивляясь белым армиям.

Эта вот маленькая радиостанция на почти пустынном берегу была единственной связью между армиями Деникина и Колчака. Через эту станцию они переговаривались. Сюда Деникин слал свои планы. Отсюда они передавались Колчаку.

Кирову удалось занять эту станцию так быстро, что радисты не успели опомниться. Белые с обеих сторон продолжали посылать свои секретные шифрованные телеграммы, и все расшифровщики, какие только нашлись на большевистских кораблях, морща лбы, сидели над расшифровкой донесений белых. Киров был в курсе всего, о чем говорили между со-

бой Деникин и Колчак. Получилась игра в телефон, как ребята играют: Деникин на ухо, чтобы никто не слышал, шептал Кирову все свои самые секретные планы, а Сергей Миронович, перевирая их так, как хотел, «шептал» это через казакстанские степи, прямо в ухо самому Колчаку. Какая каша от этого получалась на белых фронтах, можно себе представить!



НЕУДАЧЛИВЫЙ ГЕНЕРАЛ

Вот как-то получает Сергей Миронович радиограмму из занятого белыми города Петровска о том, что едет в форт Александровск белый генерал Гришин-Алмазов. Едет этот генерал на небольшом судне, лайбе, и сопровождает его в опасном переходе, наискосок через Каспийское море, вооруженный корабль. И Сергей Миронович решил поймать этого морского генерала.

Киров послал навстречу генералу миноносец. И когда конвоирующий лайбу военный корабль, подойдя довольно близко к Александровску, ушел назад, в Петровск, не зная, что большевики в двух шагах, красный миноносец подплыл вплотную к генеральской лайбе. Это произошло очень быстро. Команда белых слишком поздно заметила грозящую опасность. Она стала отстреливаться. Но что могли сделать винтовки и пулемет против вооружения миноносца? Стреляя с таким расчетом, чтобы не потопить лайбу, миноносец подходил к ней вплотную. Офицеры на паруснике видят уже, что спасения нет. Они заметались по палубе, в ярости стреляя в матросов. А матросы уже на палубе. Видя, что все пропало, что больше сопротивляться нельзя, что впереди красный плен, офицеры с отчаянья стали прыгать в воду.

Генерал Гришин-Алмазов, когда увидел, что миноносец близко, побежал вниз, в машинное отделение. Он пытался взорвать котлы. Однако это не легко было сделать. Ах, если бы он раньше подготовился к такой встрече! Если бы он раньше приготовил здесь динамит, пироксилин, чорта, дьявола, чтобы можно было взорвать эту несчастную лайбу вместе с большевиками! Если бы он заметил раньше! Теперь сделать ничего нельзя. Генерал со злостью. отшибая кулаки, стучал по железному днищу котла. Ничего не выйдет! Он побежал опять к себе наверх. Генерал слышал уже топот матросских ног за своей спиной. Задыхаясь, он прибежал в каюту, запер дверь за собой двумя оборотами ключа. Пока матросы прикладами выбивали дверь генеральской каюты, генерал судорожно сжимал рукоятку своего револьвера. Последние пули — в них, и самую последнюю — в себя. Моряки с миноносца застали генерала мертвым.

Хорошо, что не удалось неосмотрительному генералу потопить свое судно: в его каюте моряки нашли ценнейшие материалы. Генерал ехал к Колчаку. Он вез ему письмо Деникина. В этом письме Деникин признавал Колчака верховным правителем России; в этом письме он слал ему свои планы об'единения белых армий. Гришин-Алмазов не успел уничтожить ни этого письма, ни своих дневников.

И вот весь красный флот стоит в бухте у форта Александровского.

НОЧНОЙ ПОХОД

Генерал Гришин-Алмазов был захвачен, а белые все еще не знали, что в гавани этого форта стоят все корабли большевиков. Но с минуты на минуту они могут это узнать, и тогда весь этот флот, все корабли, стоявшие бок о бок в тесной гавани, можно было бы уничтожить и с моря и воздушной бомбардировкой. Передышку, которую сами того не зная, давали белые, нужно было использовать. Ждать нельзя, нужно торопиться выступать в поход. Киров уже получил приказ из Москвы: разбить флот противника на море, уничтожить его базу на острове Чечень, напасть на город Петровск. К этому времени в Петровске должно быть поднято рабочее восстание.

Сергей Миронович проработал весь план очень точно и детально. Командиры судов получили от него все указания, до самых малейших. Он сам разрабатывал сигнализацию для судов.

Сергей Миронович делал все, для того чтобы выполнить успешно боевую задачу. И все-таки не был уверен, что вся эта операция пройдет хорошо. Флот до сих пор еще не стал боевым флотом и оставался собранием кораблей. В маленькой гавани не развернешься. Флот там мог только стоять. Двигаться он мог в открытом море. И Сергей Миронович решил выйти в море, попытаться, может ли флот за несколько дней сплаваться и получить боевое значение. Да было уже и пора. На третий день после занятия Александровска на горизонте, с моря, показались два самолета. Когда они приблизились, оказалось, что это два бомбовоза. Они стали кружиться над заливом и бросать бомбы. Не попасть им было трудно. Корабли стояли тесно как сельди в бочке. Самолеты нужно было прогнать во что бы то ни стало. Своих самолетов не было. «Бух-бух» — взрывались бомбы в заливе. Миноносец «Москвитянин» получил уже пробоину.

Тогда заговорили наши орудия. Все ближе и ближе к самолетам стали расплываться белые облачка. Это разрывались наши снаряды. Самолеты улетели.

Пора было выходить в поход.

Ночью большевистские корабли вышли из гавани и взяли направление на остров Чечень.

На самом большом корабле находился член реввоенсовета 11-й армии тов. Мехоношин. На одном из миноносцев — Сергей Миронович. Суда шли в кромешной тьме. На море упал туман, и в этой густой молочной мгле люди не видели друг друга на расстоянии десяти шагов. Что говорить о судах?

Мехоношин и Киров переговаривались по радио. Гут-то, в этой темноте, они почувствовали, что в эскадре еще больше прорех, чем казалось вначале. Хуже всего было то, что плохо работало радио. Вдруг получаешь такое радио: «Противник... (перерыв) огонь... (перерыв) помощь...» Чорт его знает что это такое! Судно что ли гибнет совсем рядом? «Огонь» — а выстрелов не слышно. Судно же и не думало гибнуть. Просто радио плохо работало. Радиограммы шли одна за другой, и все это были сплошные ребусы и загадки.

Командующий дает приказание — идти кильватерной колонной, друг за другом. Вдруг корабли начинают рыскать: один поворачивается в одну сторону, другой — в другую. Никто команды не менял. Это у судов переставали работать механизмы.

Принять бой с такими кораблями означало поставить эти корабли под расстрел. Ночью красные суда прошли очень близко от противника, но боя не приняли. На рассвете они появились на виду у острова Чечень.

Утром Киров, Мехоношин и командиры кораблей осмотрелись. Оказалось очень много неприятностей: балтийские корабли были плохо приспособлены к каспийской воде. Вода в Каспийском море содержит больше соли чем в Балтийском. В трубках в паропроводах быстро образовывалась накипь, трубки забивались, пар не проходил, судно теряло управление.

КИРОВ И МОРЯКИ

Сергей Миронович Киров был смелым человеком.

Чтобы победить, он шел навстречу чертовской опасности. Только моряк мог как следует понять, каким рискованным предприятием был выход в море ночью с этой разнобойной эскадрой «Кто в лес, кто по дрова».

Мужество нужно для наступления, но не меньше мужества подчас нужно иметь для того, чтобы вовремя отступить. Отступить для того, чтобы снова собраться с силами и уже окончательно победить.

Утром выяснилось, что паропроводы забиты солью, что в решительный момент боя корабль может повернуть совсем не туда, куда нужно, по капризу разболтавшегося механизма управления. Сергей Миронович своими глазами увидел, что флотилия — это не столько боевая единица, сколько мишень для снарядов противника, и тогда он так же решительно, как занимал форт Александровский, решил поворачивать обратно.

Операция по взятию форта Александровского прошла удачно, нужно было идти обратно в Астрахань для того, чтобы сохранить флот. Этот флот был еще нужен для защиты Астрахани.

Сергей Миронович был свой человек с матросами. Во время похода он переплавал на всех судах: на крейсерах, на миноносцах, на истребителях и даже на подводных лодках. Матросы все до единого знали Кирова. Опоясанные пулеметными лентами, обветренные, загорелые, буйные, они были готовы в любой момент погибнуть за революцию. Эти люди терпеть не могли никакого отступления. Каждое отступление казалось им предательством. Это был такой народ, которому умереть с кольтом в руке казалось легче, чем подчиняться суровой, тяжелой дисциплине, дисциплине, которая требовала не только атак и наступлений, но и отходов назад.

Это прекрасно знали враги революции: эсеры, анархисты — прямые агенты белых. На Каспийском море орудовала эсеровская матросская организация «Центрокаспий». Агенты «Центрокаспия» были среди матросов.

Когда большевистский флот подошел уже к 12-футовому рейду, матросы были очень возбуждены. Агитаторы «Центрокаспия», как только узнали о том, что Сергей Миронович принял решение отвести флот в Астрахань, стали шнырять с корабля на корабль и уговаривать моряков не подчиняться командирам. А матросам и без того в тыл уходить не хотелось. Они искренно рвались в бой. Нетрудно было заставить их поверить, что командиры изменяют революции. Этого только и добивались эсеровские агитаторы. Они хотели заставить этим Кирова изменить свое решение — повести флот навстречу английским миноносцам и отдать им всю пловучую силу защитников Астрахани.

Когда флот подходил к 12-футовому рейду, Киров и Мехоношин были вместе на одном из миноносцев. И тут они узнали, что на «Третьем интернационале» — на самом большом корабле флотилии — дело зашло уж очень далеко. Они узнали, что на этом корабле «братишки» арестовали командира и комиссара.

— Едем! — сказал Киров Мехоношину.

Он отцепил револьвер, который висел у него на боку.

— Так лучше будет,— сказал он усмехаясь.— А то еще подумают, что мы их расстреливать едем.

Так, безоружные, на маленьком истребителе поехали два большевика к «Третьему интернационалу», который шумел и гудел как встревоженный улей.

По морскому уставу, когда едет командование фронтом, корабль должен встретить его как полагается: под'емом флагов, рапортом. Какое там!

— Посмотри, — показал Киров Мехоношину, — ишь, муравейник какой. Командование едет, а им хоть бы хны. Ну, ничего, как-нибудь договоримся.

Истребитель командования заметили с корабля. Киров видел, как махали там кулаками и кричали: «Долой изменников-комиссаров!» Когда истребитель подошел вплотную к кораблю, сверху спустили трап. Сергей Миронович перестал улыбаться. Он вошел на палубу и сказал:

— Где командир? Что за безобразие на корабле? Немедленно арестовать командира!

Уж чего-чего, а этого матросы никак не ожидали. Они растерялись и опешили. Ведь командира-то они уже арестовали. Их поразило, что Киров приехал без оружия. Если человек приехал без оружия туда, где ему грозит арест или смерть,—значит, он уверен в себе? Предатели революции так не поступают. Значит, этот безоружный человек по-настоящему верит в революцию. Стоит послушать, что он будет говорить.

Маленькая кучка матросов, которая собралась около Кирова, все росла и росла.

Киров не уговаривал их. Киров не упрашивал их. Не к лицу члену реввоенсовета упрашивать вышедших из дисциплины людей. Никто не помнит точно тех слов, которые говорил тогда Сергей Миронович. Но через полчаса командир и комиссар судна были уже освобождены, а эсеровских агитаторов потащили на их место. Когда остальные суда флотилии узнали, что произошло на «Третьем интернационале», они так же, как и матросы с этого корабля, разобрались в своих ошибках.

Сергей Миронович действовал так, как действовали те люди, у которых он учился: выступить решительно, в решающий момент, в решающем месте. Люди, у которых он учился, были Ленин и Сталин.

Флот ушел обратно в дельту, и в дни, когда решалась судьба Астрахани, он сказал свое веское слово.

СЕВЕРНЫЕ СИЯНИЯ

Наши товарищи углекопы, работающие в угольных копях Шпицбергена, каждую зиму любуются замечательным явлением природы—северными полярными сияниями. Огненные дуги, полосы, пучки лучей безмолвно вспыхивают на большой высоте. Они горят, переливаются, то поднимаясь выше, то опускаясь, иногда в течение нескольких часов.

Обычно северные полярные сияния наблюдаются только на крайнем севере. Но иногда это явление распространяется и далеко на юг. Так например полярное сияние 18 октября 1836 г. было видимо во всей Средней Европе, 22 октября 1839 г. доходило до Рима, а 4 февраля 1872 г. полярное сияние видели даже жители египетского города Александрии, расположенного на южном берегу Средиземного моря. В ту ночь все небо над Европой было залито волнами пурпурового света, наводившего ужас на людей.

Долго величественное явление полярных сияний оставалось таинственным и непонятным. Но теперь новейшие открытия физики в области строения атомов эту тайну раскрыли: полярные сияния представляют собой свечение земного воздуха, происходящее от ударов маленьких электрических частиц (электронов), выбрасываемых во все стороны солнцем. Земной магнетизм отклоняет эти частицы в полярные области.

Первое описание полярного сияния было дано еще в древности ученым Аристотелем. Но к изучению его приступили лишь в конце XIX столетия. К этому времени фотографическая техника создала высокочувствительные пластинки, которые позволили делать моментальную с'емку быстро меняющихся северных сияний. На наших фотографиях показано, как это делается. На верхней видно и само северное сияние, на нижней — три фотографические камеры и момент с'емки. Фотографируя сияния из двух мест, находящихся друг от друга на расстоянии в 50, 100 и более километров и соединенных телефоном (чтобы делать с'емку в одну и ту же секунду), можно определить высоту сияния. Найдено, что все полярные сияния происходят на высоте от 80 до 1000 километров над землей.

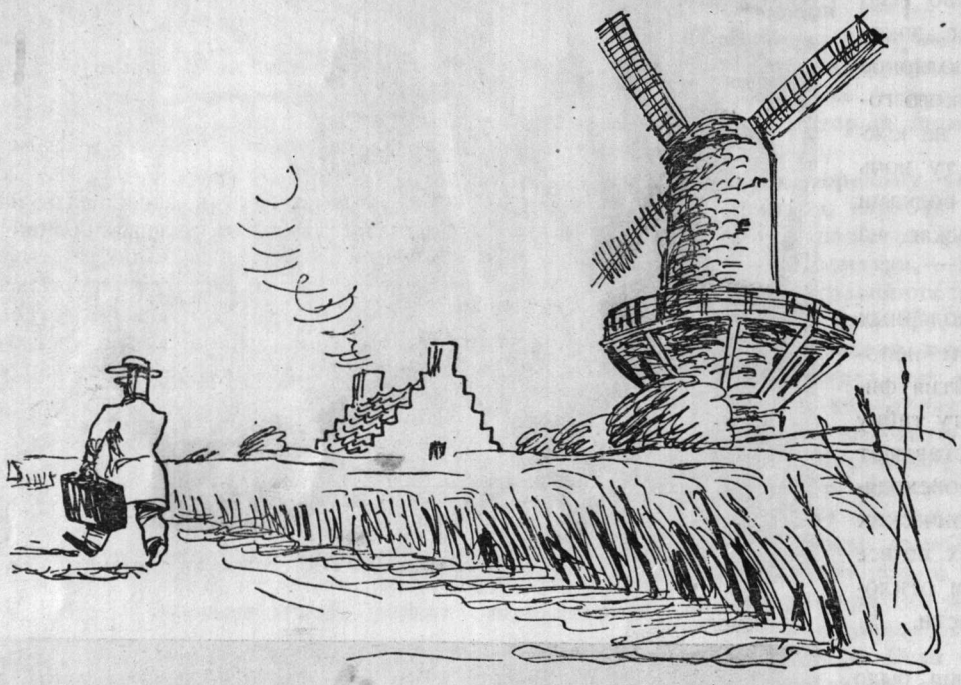
Школьный день Белобрысого

Эрнест Клаас
Перевод с фламандского
Рис. А. Каневского

День был замечательный. Летнее солнце стояло над деревней. В небе летали жаворонки. Они казались подвижными точечками в глубокой синеве неба. Утро было прекрасно.

Белобрысый остановился на дороге. Он посмотрел на поля, пожмурился на солнце, послушал, как щебечут воробьи, и готов был разреветься. В такой-то день идти в школу!

А не пропустить ли? Да, пропустить... Как задумаешь что-нибудь в этом роде, непременно попадешься. На той неделе был как раз такой случай. Вместо того чтобы пойти в школу, он пошел купаться. Отец узнал обо всем в тот же вечер от учителя. Он положил сына к себе на колени, спустил штаны и стал так колотить, как будто бы под палкой было не живое человеческое мясо, а бесчувственное дерево. Да, отцы и учителя, по мнению Белобрысого, были для мальчиков большим и незаслуженным несчастьем!



Приезжий повернулся и быстрым шагом пошел по направлению к соседней деревне.

Этот проклятый катехизис нужно во что бы то ни стало вызубрить наизусть. Сегодня четверг, занятия кончаются в 12 часов, а если не будешь знать этих «семи дел милосердия», то учитель оставит после урока или отец не пустит после обеда из дому.

С тяжелым сердцем Белобрысый раскрыл катехизис и, сунув нос в книжку, пошел по дороге бормоча:

«Каковы суть дела милосердия? Дела милосердия суть добродетели, благодаря коим мы помогаем другим людям в их телесной и духовной нужде.

Каковы бывают дела милосердия?»

Около вокзала Белобрысый захлопнул катехизис. Все равно—толку не будет.

— Эй, Белобрысый!

Белобрысый с удивлением обернулся и увидел господина с коричневым чемоданом. Он выходил из вокзала и шел прямо на него.

— Эй, Белобрысый! Ты где живешь, в Зихеме?

Белобрысый осмотрел незнакомца с головы до ног и спросил:

— А вы откуда знаете, что меня зовут Белобрысым?

— Догадался, — ответил приезжий улыбаясь. — Скажи-ка мне, где здесь, в Зихеме, живет Фридрих Свиннен.

Белобрысый задумался. Он не знал никакого Фридриха Свиннена. Он знал Марселя Свиннена. Этот учился с ним в школе. А Марсель был сын толстого Фрица.

— А у этого Фридриха есть сын Марсель? — спросил он.

— Не знаю. А ты зачем спрашиваешь?

— Марсель, сын толстого Фрица, учится со мной в школе. Он сидит на первой скамейке, и его зовут Марсель Свиннен.

— А его отец что делает?

— Это толстый-то Фриц?

— Да, толстый Фриц.

— Так он же давно умер!

— А семья? А семья-то его что делает? Семья этого Марселя?

— У них лавка, лавка с рубашками, подштанниками и всякой всячиной.

— Ну, вот о них-то я тебя и спрашиваю.

Белобрысый на мгновенье посмотрел на небо. Ему не понравилось, что этот чужак назвал его Белобрысым. Он решил с ним посчитаться.

— Вы никогда еще не были в Зихеме?

— Нет, малыш, никогда.

— Тогда вот что,—Белобрысый показал на дорогу, ведущую в поле.—Видите дома?

— Да, а разве этот толстый Фриц живет не в самой деревне?

— Конечно, нет. Видите дом с белым коньком?

— Вижу.

— Так это не их дом. А там дальше, рядом с красной черепичной крышей, вот это их дом.

— Вижу, спасибо, приятель!

Приезжий повернулся и быстрым шагом пошел по направлению к соседней деревне Аверботе. Белобрысый ухмыльнулся от удовольствия и посмотрел ему вслед. Вот было бы интересно посмотреть, как этот городской франт, вместе того чтобы попасть к толстому Фрицу, попадет к кузнецу, а кузнец сердитый: он не любит, чтобы к нему даром шлялись. Вот разозлится!

На рыночной площади Белобрысый встретил знакомых ребят. Болтая о всякой всячине, они подошли к школе.

В школу еще не пускали. Они остановились у стенки и стали ждать. Здесь было уже много ребят. Одни, опершись о стенку или сидя прямо на земле, обсуждали главнейшие происшествия сегодняшнего и вчерашнего дня. Другие играли в чехарду. Ребята стояли друг за другом от школы до самой квартиры писаря. Как раз тогда, когда пришел Белобрысый, Локе Менс дрался с Кобе Муйтен из-за того, что Кобе нагнулся не так, как следует. Когда Локе прыгал через его спину, ему не на что было опереться, и он упал лицом прямо на землю. Поднявшись, Локе налетел на Кобе и схватил его за волосы. А Кобе стал драться так яростно, как будто это его обидели. Они царапали, кусали и били друг друга до тех пор, пока писарь не открыл дверь и не крикнул:

— Подождите, чертенята проклятые, я вам сейчас помогу!

Деревенского писаря ребята боялись еще больше чем учителя. Они сразу перестали драться. И так как Кобе заплакал, то все решили, что победил Локе.

Белобрысый смотрел на это довольно равнодушно. Драка между Локе и Кобе не представляла ничего особенного. Каждого из них он мог бы положить на обе лопатки. Он неспеша подошел к группе из пяти мальчиков, которая собралась около маленького Морица, сына начальника станции.

Мориц в глазах Белобрысого был таким мальчиком, к которому нужно было относиться без всякого снисхождения. Это было нежное создание, в гетрах и белом воротничке. Он был всегда чисто одет, этот любимчик учителя—первостатейный подхалим и, в сущности, первейший осел во всей школе.

Драться с ним не имело никакого смысла: он сейчас же начинал реветь. Лазать на деревья он не умел. Ну а что касается плавания, то как-то, после больших сомнений и колебаний, он пошел с ребятами купаться, но Белобрысый так отделал его в воде, что он пролежал потом целый день. Мориц вынул из кармана яблоко. Он разрезал его ровно на столько ломтиков, сколько товарищей стояло вокруг него. Когда он дал каждому его долю, он вынул из кармана второе и стал его есть сам.

— А мне достанется кусочек?—спросил Белобрысый, опоздавший к раздаче.

Мориц куснул еще раза два, чтобы отхватить побольше, и отдал Белобрысому остаток.

— Последний всегда выигрывает,—сказал Белобрысый в ответ на завистливые взгляды товарищей, считавших, что он совершенно зря получил больше всех.

Коричневые ворота высокой школьной ограды растворились, и мальчики бросились на площадку.

Учитель стоял у дверей школы, держа руки за спиной. Он курил трубку и угрюмо смотрел на детвору. Это был маленький, худой человек, с черными усами и встрепанными черными волосами.

Ребята подождали еще несколько минут на школьной площадке, потом учитель посмотрел на часы, выбил трубку о дверной косяк, стал в дверях и крикнул:

— Стройся!

Ребята молча выстроились парами. Учитель вошел в школу, они двинулись за ним, повесили шапки на вешалку и расселись по местам. Поднялся шум, он прекратился, только когда учитель перекрестился и стал читать молитву.

Перед Белобрысым сидел рыжий Дрис из Вейденгофа. За его широкой спиной можно было, отвечая учителю, смотреть в книгу так, чтоб тот ничего не заметил.

Этот проклятый катехизис нужно вызубрить наизусть.

Учитель раскрыл катехизис и стал спрашивать из главы о «делах милосердия». Первым он спросил Локе, так как лицо его выглядело подозрительно после стычки с Кобе. Второй вопрос, самый короткий, достался маленькому Морицу. При третьем—учитель посмотрел куда-то вдаль, поверх голов, и Белобрысый почувствовал, что настал его час. Он наклонился через парту к Дрису и прошептал:

— Дрис, не шевелиться! Получишь грушу!

Дрис слегка шевельнулся.

— Получишь две груши, три!

— Верхейден, сколько существует телесных «дел милосердия»?

— Семь, — ответил Белобрысый, — а именно: кормить страждущих, поить жаждущих, одевать нагих, давать приют странствующим, посещать больных, освобождать заключенных, хоронить мертвых.

Он отбарабанил все это, опустив глаза на парту с таким видом, как будто говорил наизусть. У него была благоразумная привычка—никогда не смотреть на учителя.

Закон божий окончился. Началась арифметика. Проходили дроби.

Учитель написал на доске $\frac{3}{4} \times 2$.

— Верхейден, отвечай!

Белобрысый сидел рядом с Мулем Тюммером. В это время он был страшно занят обменом шнурка на солдатскую пуговицу. Он остолбенело посмотрел на эти три цифры, стоявшие рядом самым противоестественным образом. Дважды три шесть—это он знал наверное, но что ему делать с четверкой, было совершенно неизвестно.

— Три четверти помножить на два—это пять,— попытался он угадать, глядя с сомнением на учителя. Учитель злобно покачал головой и вызвал Локе. Тот решил, что это будет шесть, и получил пощечину. Муль и Дрис тоже не знали. Все четверо смотрели большими круглыми глазами на загадочные цифры и шевелили губами, делая вид, что считают в уме. Думали они, однако, при этом только о пощечине, которую получил Локе.

Когда же Артур Лейнес ответил: «Шесть четвертых»

и учитель подтвердил, что это именно так, все закивали головами с таким видом, будто они сами только что так подсчитали.

После перемены была история. На истории пострадал Дабе. Он оказался недостаточно хорошо знакомым с королем Пипином Коротким, и его оставили на полчаса после урока. Учитель сам не любил историю, и школьники без перемены неожиданно перешли к географии. Тут заика Тьеф должен был назвать три действующих вулкана. Он страшно покраснел и, разглядывая совершенно непонятную ему карту, пытался услышать, что подсказывал ему Артур Лейнес.

— Гора Вввезувий, гора Эээтна...—дальше не знал и сам Артур.

Тут решил вмешаться Белобрысый. Он подсказал Тьефу, и Тьеф залепетал: «Ку-ку-ку-кушкина гора». Ребята засмеялись, и Тьефа тоже оставили на полчаса.

Учитель захлопнул книгу. Мальчики сделали то же самое и, скрестив руки на груди, с минуту молчали, ожидая, что будет дальше.

— Лейнес! «Стрекозу и муравья».

Маленький слабенький Лейнес всунул босые ноги в деревянные башмаки, застегнул куртку, высморкался и вышел вперед. Уставившись в потолок, опираясь руками на первую парту, у которой он стоял, он без передышки отбарабанил всю басню:

«Стрекоза и муравей»

«Попрыгунья стрекоза
Лето целое пропела.
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза».

Белобрысый находил, что последние полчаса, когда пели и декламировали, пожалуй, наиболее сносные из всех. Конечно, при условии, чтоб его самого не трогали. В это время можно думать, о чем хочешь, и делать вид, что внимательно слушаешь.

Пока Лейнес читал стихи, Белобрысый думал о чем угодно кроме стрекозы и муравья. Он смотрел в окно на ясное небо. Слышно было, как на улице продавец песка кричит свое протяжное «К-о-ому песку», как вдали кукурекал петух, как тяжелая телега громыхала по мостовой так, что дребезжали стекла и дрожала линейка, висевшая на стене.

В классной комнате были холодные голые стены, на которых не на чем было задержаться глазу. Она казалась Белобрысому неприветливой и отвратительной, похожей на тюрьму.

Солнце никогда не проникало в класс. В нижние рамы были вставлены матовые стекла для того, чтобы совсем отгородиться от всего живого, что было за окном. Во время перемен открывали дверь, но окна в классе не открывались никогда. В классе всегда пахло затхлой сыростью, как будто в нем всегда висело никогда не просыхавшее мокрое белье. С потолка черными пыльными лоскутьями свешивалась паутина.

Мухам—и тем здесь было неуютно. Попав сюда случайно, они проводили остаток своих дней у окон, глядя на белый свет с тоской и отчаянием, ползая по твердому стеклу, пока не падали мертвыми. Десятки насекомых самых различных видов: комары, мухи, даже осы и шмели—лежали на деревянном подоконнике.

Маленькая черная муха села на парту Белобрысого. Минутку она посидела спокойно, будто отдыхая, затем прошлась по спине Дриса, обследовала края чернильницы и вернулась на середину парты. Потом она почесала головку, ножками почистила крылья. Дззз... Она поднялась и полетела к окну.

Мысли Белобрысого были так заняты мухой, что он и не заметил, как еще несколько школьников похвалили муравья и осудили стрекозу. Когда муха улетела, он вспомнил о приезжем, которого послал к кузнецу, и решил узнать, что с ним стало.

— Белобрысый, а где груши? — вдруг прошептал Дриз. Он повернул свою рыжую голову и прикрыл рот рукой так, чтобы учитель не услышал.

Белобрысый вернулся к действительности.

— Протяни-ка руку под парту, — сказал он тихо

Дриз протянул свою длинную руку. Белобрысый усмехнулся, осторожно оглянулся, не видит ли учитель, и плюнул в раскрытую ладонь.

— Вот тебе твои груши!—прошептал он.

Дриз быстро отдернул руку, вытер ее о штаны и стал вертеться на парте, собираясь покрепче лягнуть Белобрысого.

Тот, еле сдерживая смех, в свою очередь готовился к тому, чтобы отразить удар. В это время внезапно раздался голос учителя.

— Верхейден! Читай! Наизусть! Плохо будешь знать — изобью как собаку!

Эта перспектива мало радовала Белобрысого. У него сразу пропала всякая охота смеяться.

Он вышел из-за парты и прошел вперед. Дрис смотрел на него как раз'яренная кошка.

Учитель стал за его спиной. Близость учителя очень беспокоила Белобрысого, и холодная дрожь пробежала по его спине.

Он начал довольно твердо:

«Стрекоза и муравей».
«Попрыгунья стрекоза
Лето целое пропела...
И... пропела...»

— Сначала!—раздался резкий голос за его спиной.

Белобрысый, втянув голову в плечи, начал сначала, но уже на два тона ниже:

«Стрекоза и муравей».
«Попрыгунья стрекоза
Лето целое пропела
И... не успела.
И... значит...»

Он совсем замолчал и только хотел осмотреться, как вдруг получил такую пощечину по левой щеке, что зашатался и чуть не упал. Учитель, вероятно, для того чтобы восстановить равновесие, закатил ему вторую пощечину, такую же сильную, по другой щеке. А потом и пошло, и пошло, и пошло...

Учитель вошел в раж. Он начал бить его руками и ногами, по чему попало, повторяя с бешенством: «Я тебя вышколю, негодяй!»

Школьники смеялись вовсю, как будто им самим досталось удовольствие колотить Белобрысого сколько душе угодно. Локе воспользовался суматохой и вылил чернильницу на голову Морицу. Учитель потащил Белобрысого к двери. Когда они поравнялись с Дрисом, тот прошептал: «Хороши груши, а?»

Учитель яростно рванул дверь, сгреб Белобрысого за шиворот и поволок к своему дому. Там он сильным пинком втолкнул его в подвал под кухней. Закрыв дверь и задвинув засов, учитель вернулся в класс.

Белобрысый кувырком полетел на кучу картофеля и остался лежать на ней. Он кричал больше от злости чем от боли. Этот негодяй, этот мерзавец, чему можно научиться у такого изверга, кожу б с него содрать! Дрису — тому завтра достанется! А товарищи... тоже хороши: смеются как дураки, когда человека зверски избивают! Если бы они все со своими «деяниями милосердия», географией и арифметикой взлетели на воз-

дух, он бы и пальцем не шевельнул для того, чтобы их спасти.

Мысль о мести немного успокоила Белобрысого. Он поднялся, вытер слезы рукавом и осмотрелся кругом.

Низкий деревянный свод весь в паутине, грязные серые стены, несколько ящиков, пустая бочка и куча картошки, на которой он лежал. Больше ничего. Свет проникал через маленькое решотчатое окошко.

Постепенно успокаиваясь, Белобрысый пришел к убеждению, что здесь, вдали от изверга-учителя, было лучше и безопасней чем в классе. Он охотно жертвовал той ученостью, которой набивали сейчас головы его товарищам. Он не возражал бы, если бы и их выдрали так же, как его самого.

Он стал смотреть в окошко, выходившее в сад Яна Гока, но не мог ничего рассмотреть кроме навозной кучи и грядки редьки.

Вдруг Белобрысый заметил Фокса, учителева щенка. Он играл грязной тряпкой в саду. Фокс яростно трепал ее, она хлопала его по ушам, и от этого он вдруг страшно пугался.

— Фокс!—позвал тихонько Белобрысый.

Собака бросила тряпку, насторожила уши, глядела озадаченно то на кусты, окаймлявшие сад, то по направлению к погребу и не могла понять, кто ее зовет.

— Фокс!—Белобрысый протянул руку сквозь решотку. Тогда Фокс внезапно понял и побежал как сумасшедший к протянутой руке. Белобрысый быстро убрал ее.

— Ну, иди сюда, Фоксик!—сказал он приветливо, и Фокс поднял уши, сунул морду в решотку и с напряженным любопытством стал смотреть в темный подвал, где до сих пор ему не приходилось замечать ничего, стоящего внимания. Белобрысый внезапно приблизил свое лицо к морде собаки. Она испугалась и отступила.

Фокс был страшно удивлен. С вытянутой мордой и круглыми глазами рассматривал он смеющееся чужое лицо. Он не знал, что тот делает там за решоткой и как к нему отнестись: нужно ли лаять и кусать или нет.

Приветливый голос мальчика несколько успокоил Фокса, он решил, что опасности нет. Он вытянулся на животе и протянул передние лапы к решотке. Это должно было обозначать, что с его стороны тоже нет дурных намерений и он склонен к более близкому знакомству. Белобрысый приманил Фокса поближе, но когда тот подошел, он крикнул страшным голосом «Гууу!» и зарычал на него. Фокс смертельно перепугался, отскочил, оскалил зубы и зарычал. Он считал, что это было подло так ответить на дружелюбное отношение. Белобрысый продолжал рычать. Тогда Фокс стал лаять и прыгать перед окном, но не очень близко, чтобы избежать новых неприятностей; так как он больше ничего не мог придумать, то вскоре сел спиной к окну и сделал вид, что с полным равнодушием смотрит в противоположную сторону. Вся его фигура выражала презрение.

Хвост собаки лежал недалеко от решотки, Белобрысый схватил его. Собака завизжала и, стараясь вытянуть хвост, стала рыть передними лапами землю. Наконец, ей удалось освободиться, и она стрелой помчалась в другой конец сада. Там, с опаской глядя на предательское окно, она старалась разобраться в странном происшествии, случившемся с ней.

Белобрысый услыхал глухой шум со стороны школы, потом стук деревянных башмаков по камням. Двенадцать часов.

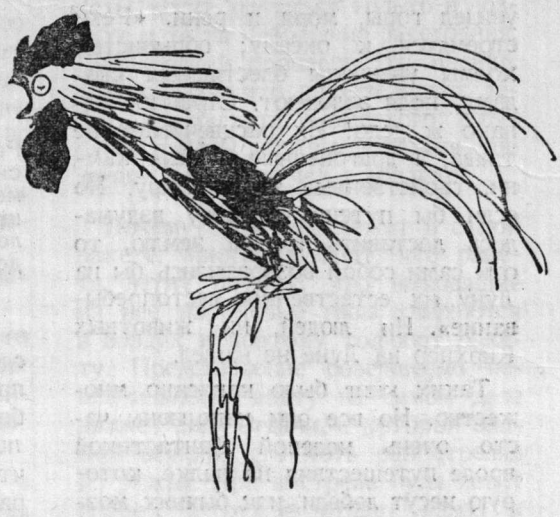
А вдруг учитель забудет его выпустить! Это часто случалось. А что если ему придется остаться в школе? Да еще в четверг!

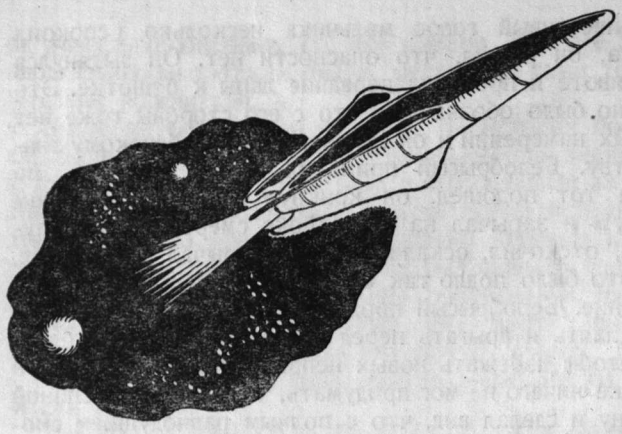
Но нет... он услышал шаги, засов отодвинули, и в ярком дневном свете Белобрысый увидел ноги и туловище учителя. Головы не было видно.

«Выходи, мерзавец, и убирайся домой!»

Белобрысый пролетел мимо руки учителя, забежал в школу, схватил с вешалки фуражку, посмотрел на Дабе, который на площадке размышлял о том, что же эта такое было с Пипином Коротким, на Тьефа, который никак не мог решить вопроса, извергает ли лаву «Кукушкина гора», и вылетел на улицу, в другой, свободный веселый мир.

Плодотворный школьный день Белобрысого был окончен.





ПОЛЕТЫ НА ЛУНУ

О. Дрожжин

В 1609 году в астрономии произошло крупное событие. Итальянский ученый Галилей изобрел трубу со вставленными в нее двояковыпуклыми стеклами. Это был первый телескоп.

Наведя телескоп на планету Юпитер, Галилей вместо блестящей точки увидел небольшой шар. То же было и с другими планетами: Сатурном, Марсом, Венерой, Меркурием. Телескоп наглядно показал, что планеты — шары, подобные земному. Рассматривая в телескоп Луну, Галилей заметил на ней высокие горы и впадины. Это было поразительное открытие. Оказывалось, что поверхность Луны похожа на поверхность Земли.

Но в таком случае, может быть, на Луне текут реки, растут леса, живут звери и даже какие-нибудь особенные люди? Все это были очень интересные вопросы, и фантазия у жителей Земли разыгралась. Возникло страстное желание слетать на Луну и посмотреть, что там делается.

Многие писатели стали сочинять романы о полетах на Луну и о том, что путешественники там видели. Способы перелетов они предлагали самые фантастические. Испанский писатель Гонзалес в романе «Человек на Луне» в 1648 году писал, что он летел на Луну, сидя на палке, которую несли лебеди. Летел он двенадцать суток.

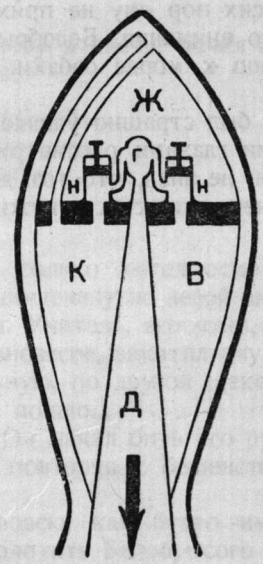
Другой писатель, Годвин, нашел на луне деревья выше чем на земле, странных животных, непохожих на земных, и птиц. Встретил он там и людей очень странного вида. Они были в два раза выше нас, с оливковым цветом лица и в очень нелепой одежде. Ее цвет, пишет Годвин, был «не черный, не белый, не красный, не зеленый, не желтый, не голубой, а также не состоит из смешения всех поименованных цветов. Определить его столь же трудно, как и об'яснить слепому разницу между зеленым и голубым цветом».

Французский писатель Сирано де Бержерак в книге «Путешествие на Луну», напечатанной в 1649 году, избрал другой способ передвижения. Он узнал, что Луна присасывает к себе бычьи мозги. Поэтому, убив быка, он вынул его мозг и обмазал им все тело. Присасывая мозг быка, Луна притянула к себе и самого Сирано де Бержерака. При падении на Луну он сильно ушибся и потерял сознание. Когда же он пришел в себя, то увидел, что лежит под яблоней. Вскоре его окружили странные чудовища. Это были лунные люди. Они ходили на четвереньках. Об'яснялись они не словами, а жестами: дергали руками, ногами или щурили глаза.

Афанасий Кирхнер в 1656 году путешествует на Луну по «способу экстаза». Однажды, размышляя о мире, он пришел в такой восторг (экстаз), что восхищенная душа вышла из его тела и понеслась в надземные миры. На Луне Кирхнер увидел горы, моря и реки. «Реки стремятся к океану; обрывистые холмы увенчаны блестящими скалами, поля зеленеют. Странное однако ж дело! Их расцвечивает не трава, а драгоценные лунные камни, свойственные этому миру. Но если бы путешественнику вздумалось доставить их на землю, то они сами собой возвратились бы на Луну, их естественное местопребывание». Ни людей, ни животных Кирхнер на Луне не нашел.

Таких книг было написано множество. Но все они наполнены часто очень нелепой фантастикой вроде путешествия на палке, которую несут лебеди, или бычьих мозгов, которые присасывает Луна.

Более правдоподобную историю рассказал в 1870 году французский писатель Жюль Верн в своих романах «С Земли на Луну» и «Вокруг Луны». Своих героев Жюль Верн отправил на Луну в артиллерийском снаряде, который был выпущен из огромной пушки с длиной ствола в 275 метров. Однако и этот способ тоже неосуществим. При длине ствола в 275 метров люди в снаряде при выстреле были бы убиты. Чтобы люди остались целы, ствол пушки должен быть длиной в 300 километров.



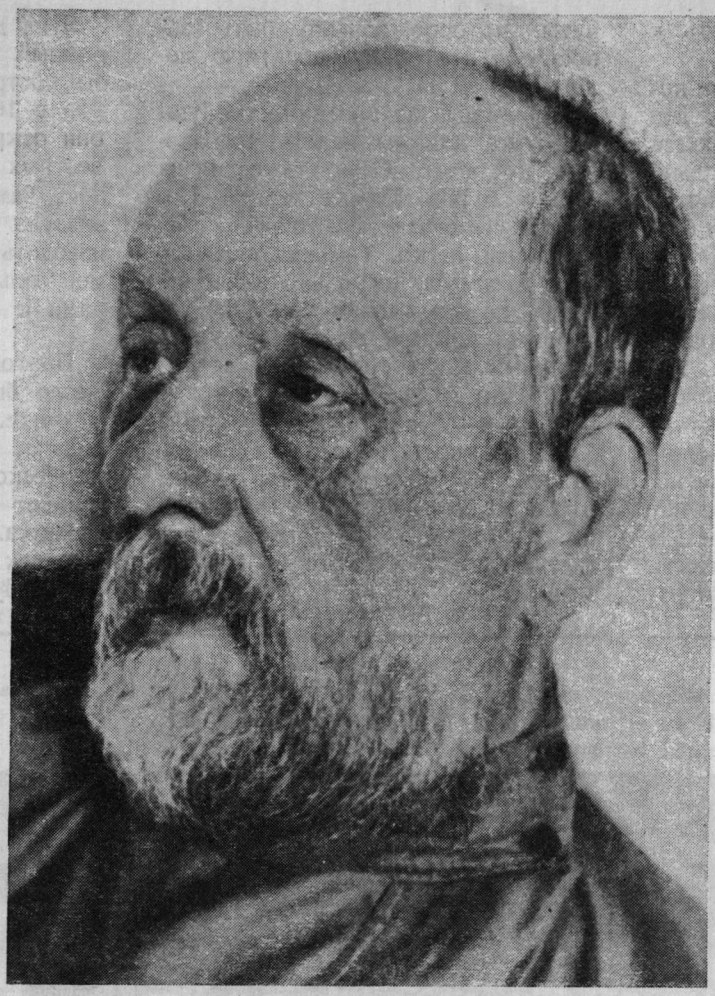
Разрез ракетного корабля Циолковского. Ж—жилое помещение. Г—камера сгорания. Н – насосы, подающие топливо К – бак с жидким кислородом. В—бак с жидким водородом. Д – дюза, по которой вытекают продукты сгорания.

К концу XIX столетия для всех сделалось ясно, что ни один из предложенных романистами способов непригоден для того, чтобы попасть на Луну. Было известно, что расстояние от Земли до Луны равно 380 тысячам километров. Воздушная оболочка Земли простирается вверх лишь на 1000 ки-

лометров. Дальше — пустота.

Трудность путешествия на Луну и заключается как раз в преодолении этого пустого пространства. Ни воздушный шар, ни аэроплан в нем держаться не могут. Гребной винт или пароходное колесо с лопастями в пустоте не может действовать.

Поэтому, в конце концов, все думавшие о полетах на Луну пришли к заключению, что в действительности эти полеты неосуществимы и что люди, следовательно, никогда не побывают не только на соседних с Землей планетах, расстояние до которых исчисляется в лучшем случае десятками миллионов километров, но даже и на Луне, до которой «рукой подать».



К. Э. Циолковский.

И вот в 1903 году в журнале «Научное обозрение» появляется любопытная статья под длинным и малопонятным заглавием «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Автор этой статьи, никому неизвестный в то время полуглухой учитель физики женского епархиального училища в городе Калуге, Константин Эдуардович Циолковский, доказывал, что при современном уровне развития техники все же можно построить такой корабль, который будет «плавать» по воле человека и в безвоздушном мировом пространстве.

На статью Циолковского никто не обратил внимания, а между тем в ней заключались очень важные мысли, получившие подтверждение со стороны многих других ученых спустя лишь около двадцати лет.

Что же за удивительный корабль предлагал Циолковский для полетов на Луну?

Огромную ракету, по форме напоминающую сигару.

В этой ракете должно быть место не только для запаса горючих веществ, но и помещение для людей-путешественников со всем необходимым для их жизни.

Ракеты были изобретены еще в древней Индии. Делали их тогда как для развлечения, так и для того, чтобы пугать неприятеля на войне. В начале XIX века к ракетам прикреплялись бомбы. Это была ракетная артиллерия, применявшаяся в сражениях. Но с изобретением нарезных пушек, которые бросали снаряды дальше ракет, ракетная артиллерия исчезла. И ракеты снова стали применяться главным образом для развлечения.

До Циолковского считали, что ракеты могут двигаться только в воздухе и то на небольшие расстояния. Циолковский опроверг это мнение. Он доказал, что ракеты могут летать и в пустоте. Более того: в пустоте ракеты должны двигаться еще лучше и быстрее чем в воздухе.

Почему? Причина лежит в самой ракете. Многие думают, что ракета летит потому, что выходящие из нее порохозые газы упираются в воздух и поэтому толкают ракету. Представление совершенно неправильное. Ракету на самом деле движет сила отдачи, с которой знаком всякий, кто хоть раз стрелял из ружья. При выстреле пуля летит вперед, а ружье отдает назад и толкает стреляющего в плечо. Это происходит от того, что газы при взрыве пороха давят во все стороны. Вперед они гонят пулю, назад — ружье (или пушку, если стреляют из пушки). Та же отдача получается и в ракете при сжигании в ней пороха или другого горючего.

Чем больше скорость, с которой вылетают газы из ракеты, тем больше сила отдачи. В пустоте, где воздуха нет, газы из ракеты вылетают без всякой помехи, быстрее чем в воздухе. Поэтому ракета должна лететь в пустоте и притом лучше чем в воздухе, как и утверждал Циолковский. Константин Эдуардович выяснил также, что чем больше горючего несет с собой ракета, тем выше она может подняться. При очень большом запасе ракета может долететь не только до Луны, но даже до Марса, Венеры и других планет.

Под'ем с Земли на ракетном корабле должен происходить не вертикально вверх, а наклонно к горизонту. Ракетный, или, как его иначе называют, космический, корабль быстро будет набирать скорость. Это ускорение пассажиры—их будет очень немного, два или три человека — будут воспринимать как сильное увеличение тяжести, им покажется, что их руки и ноги стали как «стопудовые».

Очень скоро корабль выйдет из земной атмосферы. Через окна пассажиры увидят, что цвет неба из голубого стал совсем черным. И на нем ярко, не мигая, блистают звезды рядом с Солнцем. Через несколько минут после старта космический корабль приобретет скорость в 12 километров в секунду. Это именно та скорость, которая нужна, чтобы долететь до Луны. Ракетные моторы (их на корабле может быть несколько) гасятся, и корабль дальше движется лишь по инерции, как футбольный мяч после удара ногой. И с этого момента сила тяжести в корабле исчезает. Все предметы, в том числе и сами люди, делаются невесомыми. Пассажиры начинают плавать в воздухе, как рыбы в воде. Легкого нечаянного толчка об пол или стенку достаточно, чтобы под-

няться к потолку или полететь к противоположной стене.

Мы можем выйти из своего корабля наружу для «прогулки». Для этого необходимо только надеть водолазный костюм, специально приспособленный для ношения в пустоте. Конечно, с нами будет баллон со сжатым воздухом, нужным для дыхания, и другой баллон с аппаратом для очистки воздуха от углекислого газа. Выйдя из корабля наружу, мы никуда не упадем, так как мы без веса. Мы будем лететь в пространстве с той же скоростью, что и корабль, хотя это движение для нас будет совсем не заметно.

Так как на Луне совершенно нет атмосферы, то воспользоваться для посадки на нее парашютом нельзя. Мы будем тормозить действием ракеты, которое должно быть направлено в сторону, обратную полету.

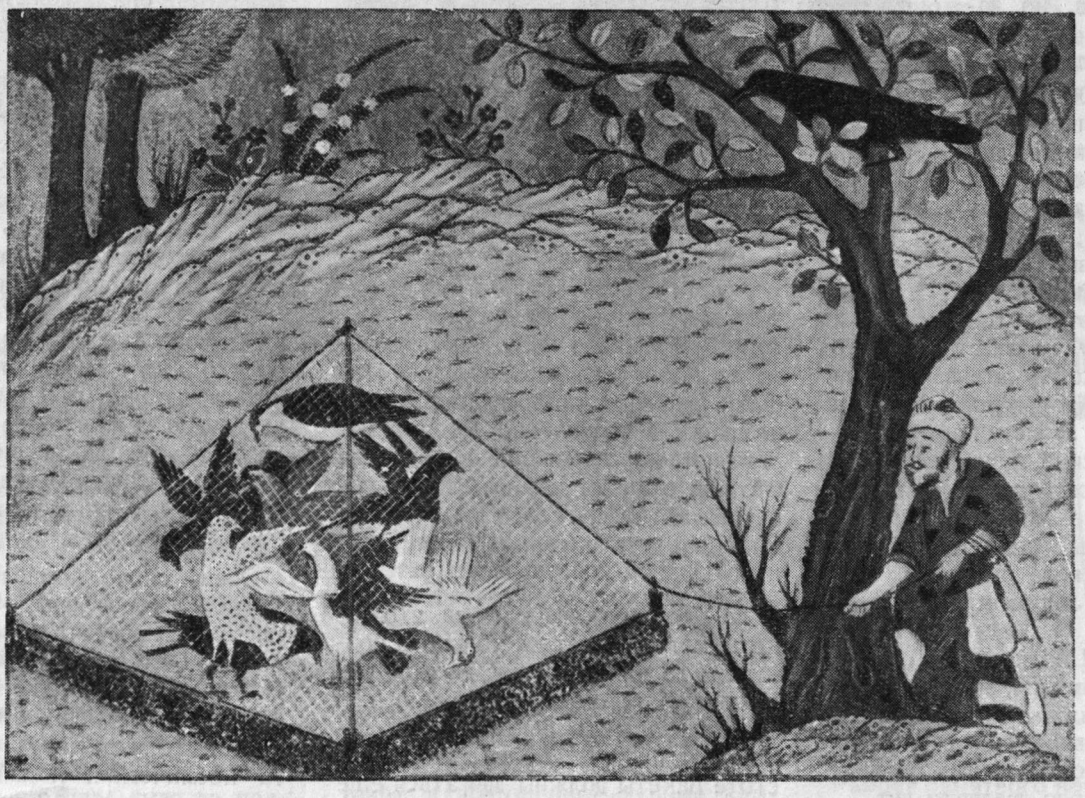
Для выхода на поверхность Луны мы тоже должны надеть водолазные костюмы. Сила тяжести на Луне в 6 раз меньше земной. Поэтому мы будем чувствовать себя там очень легко. Так как сила наших мускулов нисколько не изменится, то мы сможем на Луне совершать прыжки высотой с трехэтажный дом и пролетать метров по 25, по 30.

Воды на Луне тоже нет. Стало быть, ни морей, ни рек мы там не найдем. Но минералы там те же, что и на Земле, так как Луна около 2 миллиардов лет назад была частью Земли, а потом от нее отделилась.

Луна для науки представляет огромный интерес. Там можно было бы построить телескопы размером раз в 10 больше чем на Земле, и они открыли бы много еще не известных нам тайн звездной вселенной. Там, на Луне, при отсутствии воздуха легко можно было бы производить опыты с разрушением атомов, опыты с низкими температурами и многие другие.

Поэтому «завоевание» Луны принесло бы много пользы науке и технике. Но «завоевание» Луны — задача, непосильная для капиталистического мира. Овладеть Луной сможет только социалистическая техника. Можно думать, что наш XX век и станет первым победителем Луны.

ПТИЦЕЛОВ



С незапамятных времен иранские купцы приходили на Урал и в южную Россию, меняли изделия искусства на пушнину и сырье. Большинство этих, вымененных когда-то сокровищ было найдено у нас на Украине и Урале во время корчевания и распашки целины. А однажды близ Полтавы, в овраге, размытом весенними потоками, ребята-пастухи нашли богатый клад. Здесь были кубки, блюда и чаши, украшавшие 500 лет назад столы иранских феодалов. Миниатюрные рисунки, искусно сделанные на них, изображали сцены охоты и пиров. Все эти сокровища сейчас находятся в ленинградском Эрмитаже, где недавно была большая выставка иранского искусства.

Рисунок, который мы здесь помещаем, сделан 500 лет назад. На нем изображен охотник-птицелов. Большой сеткой-ловушкой он поймал сразу несколько птиц.

ПОЧТА доктора Звенового

Письмо Юры Иванова и Мули Саголовича.

Москва, ул. Кирова, д. 31, кв. 6.

Наши ракеты

В 1932 году наш лагерь находился под Калугой. И вот во жатые решили пригласить к нам на сбор Эдуарда Константино вича Циолковского. Эдуард Константинович согласился при ехать к нам в лагерь. Когда вожатые нам об этом сказали, все ребята так обрадовались, что весь вечер только и разговору было, что о Циолковском, о его изобретениях и о межпланет ных путешествиях.

Утром мы вышли на дорогу и все смотрели, не едет ли Ци олковский. Но машин нигде не было, ехал только какой-то ве лосипедист. Мы сначала не обратили на него внимания, пото му что никто не думал, что это Циолковский и что он приедет на велосипеде. Он оказался очень бодрым и веселым челове ком. Ребят собралось много. Нас сначала не хотели пускать, потому что мы были самыми младшими. Но мы дали слово, что будем очень тихо сидеть, и нас пустили.

Эдуард Константинович говорил тихо, но каждое слово было слышно. Он нам рассказал свою биографию, потом про свои изобретения. Рассказывал он так интересно, увлекательно, что нам жалко было, когда беседа кончилась. Вместе с нами он по ужинал и уехал. Мы все его провожали, и на прощанье он нам сказал: «Учитесь, ребята, и овладевайте высотами науки».

После этого все ребята у нас очень увлекались межпланет ными путешествиями. В каждом уголке спор: когда полетим полетим ли? Даже до драки дело доходило.

Мы пробовали сделать сами ракету. Взяли тележку с коле сами, сзади прикрепили стеклянную трубку, а в нее насыпали серу от спичек. Потом подожгли эту серу. Там все зашипело. тележка прокатилась несколько шагов, и вдруг трубка взорва лась. После этого мы еще несколько раз пробовали делать ра кету, но у нас ничего пока не получилось.

Письмо Шуры Рабинович, Зины Агеевой, Жоржа Федорук, Ины Ройер, Лиды Самсоновой, Вали Придатько и Зимина.

Москва, Покровка, 23-я школа, Бауманского р-на, 4-й класс.

О Москве

Мы прочли в «Пионере» письмо ребят с Бережковской набе режной о том, как они представляют себе Москву через несколь ко лет. Ребята совершенно правы: Москва будет очень красивая и веселая.

Ребята писали только про свою улицу. А мы живем все в раз ных переулках и улицах, поэтому мы напишем про всю Москву.

У нас никогда не будет плохой погоды: солнце будет све тить и зимой и летом. А сделать это можно будет так. Надви гаются на Москву тучи, совсем низко спускаются. Того и гля ди — дождь пойдет, а дождя сейчас не надо. Как быть? А у нас в закрытых баллонах находится сжатый воздух. Мы тогда откры ваем эти баллоны, и воздух с силой давит на тучи и весь «дождь» поднимается вверх. И снова солнце на небе.

А может быть и наоборот. Нужно, чтобы пошел дождь, а его нет.

Тогда мы устроим большой насос и из моря проведем его в самолет. Только это будет уж не такой самолет, какой все ре бята видели. Он будет очень большой, как дирижабль, даже больше, а внизу у него будет устроен резервуар, в который попадет вода. Когда воду нужно будет спустить на поля, резер вуар откроется и вся вода потечет на поля.

Очень многие ребята ответили на письмо пионеров с Бережковской набережной о том, как они представляют себе Москву через 10 лет.

Сегодня мы помещаем очень интересное письмо ребят 23-й школы. Они пишут не только о своей улице, но о погоде, о том, какой климат будет в будущей Москве.

Это, конечно, фантазия, но очень хорошо, что ребята не написали просто «погода будет хорошая», а попытались найти такой способ, чтобы дождь шел, когда нужно, а остальное время сияло солнце.

Автоматы и механизированные столовые уже есть. И устроены почти так, как написали ребята. Так что жизнь опередила их выдумку.

Мы будем помещать в следующих номерах письма ребят о городах будущего. Только нужно, чтобы ребята, прежде чем написать нам, серьезно подумали, поговорили со своими товарищами и прислали рисунки тех изобретений, которые будут в новых городах.

Самые интересные письма мы поместим в следующих номерах.

Природа у нас, конечно, будет другая. Это мы тоже с ребятами согласны. Наверное, будут не только персики расти, но и хлебные и шоколадные деревья. Ведь мичуринцы сумеют их приучить к нашему климату, тем более что и погода у нас будет не такая, как сейчас.

Вот, наверное, тогда придумают такую траву, которая заменит бинты. Порезал себе руку — сорвал лист травы, а он длинный, широкий, обернул себе порезанное место, и не надо иодом прижигать — так пройдет. Потом на тех площадках, где будут играть ребята, вырастет очень высокая трава, чтобы в прятки можно было играть. А то ведь тогда не будет разных закоулков и негде будет прятаться.

Про парашют с кабиной ребята хорошо придумали. А вот подвесная железная дорога, которую они предлагают, не нужна: от нее только лишний грохот будет в городе, да и ездить неудобно.

А мы предлагаем вместо лифта устроить такую пружину перед высокими домами. Лежит она на земле, а поверх ремнем пристегнута, чтобы не подымалась. А как надо подняться на последний этаж, — отстегнул ремень, встал, пружина как рванется — и ты уж наверху. А на крыше дома весело. Там пальмы растут, крыши плоские, и на них танцовать можно. А на самых больших домах, возможно, будут даже аэродромы устроены. Конечно, наши самолеты сейчас с них подняться не смогут: мало места для разбега. А тогда самолеты будут, как автожиры, почти с места подыматься.

В каждом доме будет своя столовая. Там все механизировано. Вот приходит, например, Шура обедать. Подходит к автомату, а в руке у нее жетон. Опускает его, у автомата открывается дверь, и оттуда выползает тарелка с кушаньем. Покушает Шура, а около столика проходит такая лента-конвейер, надо поставить на нее грязные тарелки — и все. А тарелки по этой ленте пройдут через сильную струю воды, так что с них весь жир смоет, потом через паровое отделение, там так жарко, что тарелки не надо будет вытирать: они сами высохнут.

И вот идут чистые тарелки по конвейеру дальше. А там подвешен такой бак, и из него каждую секунду в тарелку падает котлета. Падая, котлета задевает соусницу, и соус тоже льется.

И так будет со всеми кушаньями.

На бульварах будут расти такие водянистые грибы: как стукнешь их по головке, польется вода. Ее можно будет пить. А в домах не только мух, но и клопов не будет. В комнатах будут такие цветы расти, что как заведутся клопы, так от запаха цветов они умирают. А запах этих цветов очень хороший и полезный для дыхания человека.

Тогда, конечно, уже будет связь с Луной, и мы сможем на ракетах передвигаться на другие планеты.

Письмо Юры Золотова.

Московская обл., Коммунистический район, дер. Бортниково.

Друг за друга

У нас в деревне ребята дружат хорошо. Если с кем случится что-нибудь, помогают и всегда из беды выручат все. Раз как-то под вечер шли мы из лесу с грибами. Спускались сумерки, и все кругом было покрыто белым туманом. Я шел впереди, за мной Титов Вася, а за ним остальные ребята. Шли мы гуськом, потому что место было болотистое и мы боялись, как бы не завязнуть. Впереди был пенек, я вскочил на него и спрыгнул на зеленую шелковистую травку. Но под этой травой было то самое «окно», которого мы боялись. Ноги мои увязли сразу по колено. Я испугался и закричал: «Ребята, спасите!» Ребята подбежали, а Шурка быстро сломил толстый ольховый сук и подал мне конец. Я ухватился за него крепко и вылез на сушу, а то бы так и засосало меня.

В другой раз шли мы по берегу реки. Речонка у нас неглубокая, а когда разольется, то очень широкая становится. Мы шли как раз после разлива, воды было много. И вдруг самый маленький мальчик, Васька, поскользнулся и... упал прямо в воду. Он сразу пошел ко дну. Я, не раздеваясь, прыгнул в воду, а он уж пузыри пускает. Я схватил его и плыву с ним к берегу. Вылез, с обоих вода ручьями течет, а мы даже холода не почувствовали. Ведь человека спасли.

Так и выручали мы друг друга из беды. А вы как, ребята?

Письмо Володи Кривцова и Жоржа Нариманова.

Москва. 10-я школа Фрунзенского района, 7-й класс „Г".

— Осмысленно знать учебник, свой предмет—это значит не заучивать, не зазубривать, а, переспросив несколько раз учителя (если это нужно), понять самому смысл того, что учишь.

Тогда изучаемый предмет легко запомнится на всю жизнь. А зазубренное быстро забывается. Об этом писал тов. Мускин, руководитель пионеров Союза в письме к ребятам.

Как мы помогли Шуре

В прошлом году в нашем классе ученица Шура К. имела 10 «неудов». Особенно плохо она понимала физику, просто не давалась ей физика. Но Шура сидела на уроках и никогда не задавала вопросов. Она приходила домой и зубрила все формулы, а содержания их не знала.

Очень часто она эти формулы перевирала: переставит одно слово, и получается ерунда. Вот раз она сказала: «Если мы будем подогревать тепло...» Все ребята рассмеялись. Как же можно подогревать тепло?

Нас прикрепили заниматься с ней по физике. Было очень трудно отучить ее от зубрежки. Иногда мы одну и ту же тему об'ясняли ей по нескольку раз до тех пор, пока она не поймет. Занимались мы с ней два раза в шестидневку и поочереди об'ясняли темы.

Некоторые, сильные ребята давали списывать решенные задачи своим прикрепленным. Это, конечно, не помощь, потому что слабые ученики все равно ничего не знали. Мы же старались не делать за нее ничего, а помогать ей.

Во время подготовки к испытаниям мы занимались с Шурой еще больше. Родители взяли ей репетитора по немецкому языку. Весь класс очень волновался. Ведь мы решили, что у нас не будет второгодников, а Шура была кандидатом. Мы повторили с ней все темы, решили много задач, и она перешла в следующий класс.

Письмо Аркадия Бойцова.

С. Дегтяри, Ленинградская обл., Залучский район

Где можно купить ручных голубей? Этот вопрос нам задают очень многие ребята. Осоавиахим имеет во многих городах свои голубятни, и этих голубей (кроме служебных) он продает всем гражданам. И вот кто захочет купить голубей, должен обратиться в районный совет Осоавиахима. Стоит один голубь не меньше 10 рублей.

А кто не достанет голубей в своем районе, пусть напишет по адресу: Москва, Трубная, 40. Московский областной совет Осоавиахима.

Рассказ про голубка

Была зима. Стояли сильные морозы. Я только что встал, как вдруг мой товарищ Леня Бобров вбежал к нам. На руках у него был молодой голубь, которого поймала его мать на крыше сарая. Мы его осмотрели. Оказалось, что у него отморожены лапки. С этих пор он у нас стал жить на большом фикусе, ел горох, конопляное семя и так привык к нашей семье, что стал садиться к нам на плечи и ворковать. К концу зимы он вырос, лапки у него поправились и мы выпустили его на волю.

На другой день, к вечеру, мы с сестрой пошли гулять и нашли голубка за сараем всего в крови и с поврежденным крылом. Наверно, он летел к нам, но около сарая его схватил кот и разодрал крыло. Мы взяли его опять к себе. Спустя некоторое время крыло у него зажило. Он с утра стал улетать, но к вечеру всегда возвращался домой и спал на фикусе. Весной он улетел. Мы скучали без него, но и рады были, что он будет жить на воле.

Все лето голубя не было, вдруг осенью мы вышли на крылечко и видим на нем нашего голубя с другим голубем, которого он привел к нам. Но жить им у нас больше не удалось. У нас есть собачка «Снежок». Как только она почуяла, что на крыльце кто-то есть, сразу же выбежала и залаяла — голуби улетели. На другой день они опять прилетели, «Снежок» опять их напугал. С тех пор мы их и не видели.

Дорогая редакция, сейчас у меня живут два маленьких зайчонка, едят они у меня капусту, морковь. Живут в ящике с решоткой, каждый день я их ношу домой, они очень смешные. Бегают и прыгают. Сперва очень были пугливые, а теперь, если возьмешь на руки, сидят смирно.

Славной газете пионеров и школьников, старшему товарищу и другу советской детворы—„Пионерской правде", редакция, авторы, читатели, деткоры журнала „Пионер" шлют сердечный привет в день ее десятилетия.

„Пионерской правде" привет, привет, привет!

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

Это было восемьдесят лет назад.

Царская Россия напала на Турцию. На помощь туркам пришли европейские державы. Флоты Англии и Франции осадили севастопольскую крепость.

В одном из петербургских журналов появились «Севастопольские рассказы». Написал их артиллерийский офицер, участник Крымской кампании. Т. был Л. Н. Толстой. Имя это было еще мало кому известно.

«Севастопольские рассказы» имели большой успех. Известный писатель Писемский заметил: «Этот офицеришка всех нас заклюет, хоть бросай перо».

Писемский не ошибся: вскоре по окончании войны Толстой оставляет военную службу и посвящает себя литературе. Молодой писатель создает ряд замечательных произведений. Среди них был и рассказ «Люцерн», который мы здесь печатаем в сокращенном виде.

В «Люцерне» Толстой описал действительный случай, который ему пришлось наблюдать во время поездки заграницу.

«Я приехал в Люцерн,—сообщал Толстой в одном из писем на родину. — Я опять совсем один, и, признаюсь вам, уединение часто бывает очень тяжело мне, так как знакомства, которые делаешь в отелях и по железной дороге, меня не удовлетворяют».

Но знакомства, которые делал Толстой в отелях, заселенных богатой и праздной публикой, не только его «не удовлетворяли»: они подчас внушали писателю настоящее отвращение, вызывали в нем гнев и возмущение.

Особенно поразило Толстого отношение толпы иностранцев-путешественников к одному уличному певцу. Его чудесное пение народных тирольских песен увлекло толпу. Но когда певец окончил, ни один из слушавших его знатных путешественников не отозвался на пение, не подал певцу хотя бы самой мелкой монеты.

Это привело Толстого в негодование. Чтобы отомстить расфранченной буржуазной публике, он пригласил певца в гостиницу, посадил его с собой за стол и приказал подать ужин с дорогим вином.

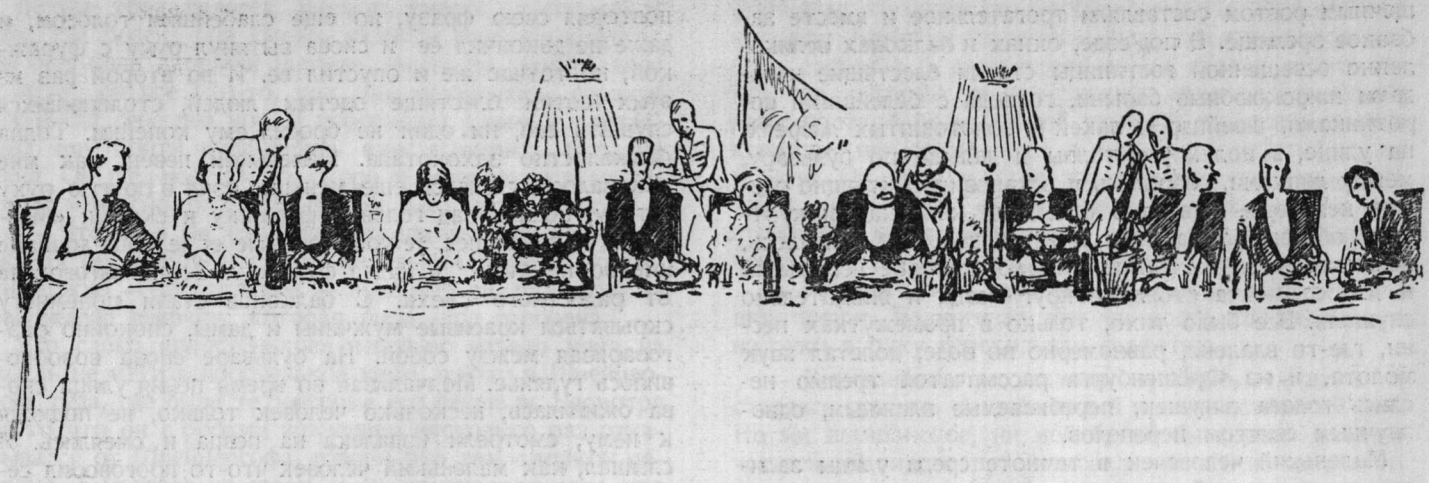
О происшествии с уличным певцом Толстой с глубоким и искренним волнением рассказал в «Люцерне». С подлинной силой разоблачил Толстой в своем рассказе лицемерие, жестокость и надменность богачей.

В послесловии к рассказу Толстой задавал вопрос:

«Кто больше человек и кто больше варвар: тот ли лорд, который, увидав затасканное платье певца, с злобой убежал из-за стола... или маленький певец, который ходит по горам и долинам, утешая людей своим пением?..»

Вопрос этот задавал Толстой не в одном только рассказе «Люцерн». Во многих других произведениях, написанных после «Люцерна», Толстой срывал маску с буржуазии, показывал ее варварство, жадность, фальшь, но он не понимал, как нужно по-настоящему против этого бороться.

Своей ненавистью к буржуазной фальши более всего близок нам Толстой, и потому в день 25-летия со дня смерти память его чтит вся наша страна.



Люцерн

Л. Н. Толстой

Рис. П. Митурича

Вчера вечером я приехал в Люцерн и остановился в лучшей здешней гостинице, Швейцергофе.

Когда я вошел наверх в свою комнату и отворил окно на озеро, красота этой воды, этих гор и этого неба в первое мгновение буквально ослепила и потрясла меня. Я почувствовал внутреннее беспокойство и потребность выразить как-нибудь избыток чего-то, вдруг переполнившего мою душу. Мне захотелось в эту минуту обнять кого-нибудь, крепко обнять, защекотать, ущипнуть его, вообще сделать с ним и с собой что-нибудь необыкновенное.

В половине восьмого меня позвали обедать. В большой великолепно убранной комнате, в нижнем этаже, были накрыты два длинные стола, по крайней мере, человек на сто. Минуты три продолжалось молчаливое движение сбора гостей: шуршанье женских платьев, легкие шаги, тихие переговоры с учтивейшими и изящнейшими кельнерами; и все приборы были заняты мужчинами и дамами, весьма красиво, даже богато и вообще необыкновенно чистоплотно одетыми. Как вообще в Швейцарии, большая часть гостей — англичане, и потому главные черты общего стола — строгое, законом признанное приличие, несообщительность, основанные не на гордости, но на отсутствии потребности сближения, и одинокое довольство в удобном и приятном удовлетворении своих потребностей. Со всех сторон блестят белейшие кружева, белейшие воротнички, белейшие настоящие и вставные зубы, белейшие лица и руки. Но лица, из которых многие очень красивы, выражают только сознание собственного благосостояния и совершенное отсутствие внимания ко всему окружающему, что не прямо относится к собственной особе, и белейшие руки с перстнями и в мигенях движутся только для поправления воротничков, разрезывания говядины и наливания вина в стаканы: никакое душевное волнение не отражается в их движениях.

Мне сделалось грустно, как всегда после таких обедов, и, не доев десерта, в самом невеселом расположении духа я пошел шляться по городу. Узенькие, грязные улицы без освещения, запираемые лавки, встречи с пьяными работниками и женщинами, идущими за водой, или в шляпках, по стенам, оглядываясь, шмыгающими по переулкам, не только не разогнали, но еще усилили мое грустное расположение духа. В улицах уже было совсем темно, когда я, не оглядываясь кругом себя, без всякой мысли в голове, пошел к дому, надеясь сном избавиться от мрачного настроения духа. Мне становилось ужасно душевно холодно, одиноко и тяжко, как это случается иногда без видимой причины при переездах на новое место.

Я, глядя только себе под ноги, шел по набережной к Швейцергофу, как вдруг меня поразили звуки странной, но чрезвычайно приятной и милой музыки. Эти звуки мгновенно живительно подействовали на меня. Как будто яркий веселый свет проник в мою душу. Мне стало хорошо, весело. Заснувшее внимание мое снова устремилось на все окружающие предметы. И красота ночи и озера, к которым я прежде был равнодушен, вдруг, как новость, отрадно поразила меня. Прямо передо мной, с того места, с которого слышались звуки и на которое преимущественно было устремлено мое внимание, я увидал в полумраке на средине улицы полукругом стеснившуюся толпу народа, а перед толпой, в некотором расстоянии, крошечного человечка в черной одежде. Сзади толпы и человечка, на темном сером и синем разорванном небе, стройно отделялось несколько черных раин сада и величаво возвышались по обеим сторонам старинного собора два строгие шпица башен.

Я подходил ближе, звуки становились яснее. Я разбирал ясно дальние, сладко колеблющиеся в вечернем воздухе полные аккорды гитары и несколько голосов, которые, перебивая друг друга, не пели тему, а кое-где, выпевая самые выступающие места, давали ее чувствовать. Тема была что-то вроде милой и грациозной мазурки. Голоса казались то близки, то далеки, то слышался тенор, то бас, то горловая фистула с воркующими тирольскими переливами. Это была не песня, а легкий мастерской эскиз песни.

Я подошел ближе. Маленький человечек был, как казалось, странствующий тиролец. Он стоял перед окнами гостиницы, выставив ножку, закинув кверху голову, и, бренча на гитаре, пел на разные голоса свою грациозную песню. Я тотчас же почувствовал нежность к этому человеку и благодарность за тот переворот, который он произвел во мне. Певец, сколько я мог рассмотреть, был одет в старенький черный сюртук, волоса у него были черные, короткие, и на голове была самая мещанская простая старенькая фуражка. В одежде его ничего не было артистического, но лихая, детски веселая поза и движения с его кро-

шечным ростом составляли трогательное и вместе забавное зрелище. В под'езде, окнах и балконах великолепно освещенной гостиницы стояли блестящие нарядами широкоюбные барыни, господа с белейшими воротниками, швейцар и лакей в золотошитых ливреях, на улице, в полукруге толпы и дальше по бульвару, между липками, собрались и остановились изящно одетые кельнеры, повара в белейших колпаках и куртках, обнявшиеся девицы и гуляющие. Все, казалось, испытывали то же самое чувство, которое испытывал и я. Все молча стояли вокруг певца и внимательно слушали. Все было тихо, только в промежутках песни, где-то вдалеке, равномерно по воде, долетал звук молота, и из Фрёшенбурга рассыпчатой трелью неслись голоса лягушек, перебиваемые влажным, однозвучным свистом перепелов.

Маленький человечек в темноте среди улицы заливался, как соловей, куплет за куплетом и песня за песней. Несмотря на то что я подошел вплоть к нему, его пенье продолжало доставлять мне большое удовольствие. Небольшой голос его был чрезвычайно приятен, нежность же, вкус и чувство меры, с которыми он владел этим голосом, были необыкновенны и показывали в нем огромное природное дарование.

Певец снял фуражку и, размахнув гитарой, приблизился к дому. Закинув голову, он обратился к господам, стоявшим у окон и на балконах: «Messieurs et mesdames, — сказал он полуитальянским, полунемецким акцентом [1] и с теми интонациями, с которыми фокусники обращаются к публике,— si vous croyez, que je gagne quelque chose, vous vous trompez; je ne suis qu'un bauvre tiaple»[2]. Он остановился, помолчал немного; но так как никто ему ничего не дал, он снова вскинул гитару и сказал: «A présent, messieurs et mesdames, je vous chanterai l'air du Righi» [3]. Наверху публика молчала, но продолжала стоять в ожидании следующей песни, внизу в толпе засмеялись, должно быть, тому, что он так странно выражался, и тому, что ему ничего не дали. Я дал ему несколько сантимов, он ловко перекинул их из руки в руку, засунул в карман жилета и, надев фуражку, снова начал петь грациозную милую тирольскую песенку, которую он называл l'air du Righi [4]. Эта песня, которую он оставлял для заключения, была еще лучше всех прежних, и со всех сторон в увеличившейся толпе слышались звуки одобрения. Он кончил. Снова он размахнул гитарой, снял фуражку, выставил ее вперед себя, на два шага приблизился к окнам и снова сказал свою непонятную фразу: «Messieurs et mesdames, si vous croyez, que je gagne quelque choss» [5], которую он, видимо, считал очень ловкой и остроумной, но в голосе и движениях его я заметил теперь некоторую нерешительность и детскую робость, которые были особенно поразительны с его маленьким ростом. Элегантная публика все так же живописно в свете огней стояла на балконах и в окнах, блестя богатыми одеждами; некоторые умеренно приличным голосом разговаривали между собой, очевидно, про певца, который с вытянутой рукой стоял перед ними, другие внимательно, с любопытством смотрели вниз на эту маленькую черную фигурку, на одном балконе послышался звучный и веселый смех молодой девушки. В толпе внизу громче и громче слышался говор и посмеиванье. Певец в третий раз повторил свою фразу, но еще слабейшим голосом, и даже не докончил ее и снова вытянул руку с фуражкой, но тотчас же и опустил ее. И во второй раз из этих сотни блестяще одетых людей, столпившихся слушать его, ни один не бросил ему копейки. Толпа безжалостно захохотала. Маленький певец, как мне показалось, сделался еще меньше, взял в другую руку гитару, поднял над головой фуражку и сказал: «Messieurs et mesdames, je vous remercie et je vous souhaite une bonne nuit» [6] и надел фуражку. Толпа загоготала от радостного смеха. С балконов стали понемногу скрываться красивые мужчины и дамы, спокойно разговаривая между собой. На бульваре снова возобновилось гулянье. Молчаливая во время пения улица снова оживилась, несколько человек только, не подходя к нему, смотрели издалека на певца и смеялись. Я слышал, как маленький человек что-то проговорил себе под нос, повернулся и, как будто сделавшись еще меньше, скорыми шагами пошел к городу. Веселые гуляки, смотревшие на него, все так же в некотором расстоянии следовали за ним и смеялись...

Я совсем растерялся, не понимал, что это все значит, и, стоя на одном месте, бессмысленно смотрел в темноту на удалявшегося крошечного человека, который, растягивая большие шаги, быстро шел к городу, и на смеющихся гуляк, которые следовали за ним. Мне сделалось больно, горько и, главное, стыдно за маленького человека, за толпу, за себя: как будто бы я просил денег, мне ничего не дали и надо мной смеялись. Я тоже не оглядываясь, с защемленным сердцем, скорыми шагами пошел к себе домой на крыльцо Швейцергофа.

На великолепном освещенном под'езде мне встретились учтиво сторонившийся швейцар и английское семейство. Плотный, красивый и высокий мужчина с черными английскими бакенбардами, в черной шляпе и с пледом на руке, в которой он держал богатую трость, лениво, самоуверенно шел под руку с дамой, в диком шелковом платье, в чепце с блестящими лентами и прелестнейших кружевах. Рядом с ними шла хорошенькая, свеженькая барышня в грациозной швейцарской шляпе с пером, a la mousquetaire [7], из-под которой вокруг ее беленького личика падали мягкие длинные светлорусые букли. Впереди подпрыгивала десятилетняя румяная девочка, с полными, белыми коленками, видневшимися из-под тончайших кружев.

— Прелестная ночь, — сказала дама сладким, счастливым голосом, в то время как я проходил.

— Ohe! — промычал лениво англичанин, которому, видимо, было так хорошо жить на свете, что и говорить не хотелось. И всем им, казалось, так было спокойно, удобно, чисто и легко жить на свете, такое в их движеньях и лицах выражалось равнодушие ко всякой чужой жизни и такая уверенность в том, что швейцар им посторонится и поклонится, и что, воротясь, они найдут чистую, покойную постель и комнаты, и что все это должно быть, и что на все это имеют полное право, — что я вдруг невольно противопоставил им странствующего певца, который, усталый, может быть, голодный, со стыдом убегал теперь от смеющейся толпы, понял, что таким тяжелым камнем давило мне сердце, и почувствовал невыразимую злобу на этих людей. Я два раза прошел туда и назад мимо англичанина, с невыразимым наслаждением оба раза, не сторонясь ему, толкнув его локтем и, спустившись с под'езда, побежал в темноте по направлению к городу, куда скрылся маленький человек.

---

[1] Наречие, ломаный язык.

[2] «Господа и дамы, если вы думаете, что я что-нибудь зарабатываю, вы ошибаетесь. Я бедняк».

[3] «Теперь, господа и дамы, я спою вам песню Риги».

[4] Песней Риги.

[5] «Господа и дамы, если вы думаете, что я зарабатываю что-нибудь».

[6] «Господа и дамы, благодарю вас и желаю доброй ночи».

[7] Как у мушкетера.

Догнав трех человек, шедших вместе, я спросил у них, где певец; они смеясь указали мне его впереди. Он шел один скорыми шагами, никто не приближался к нему, он все что-то, как мне показалось, сердито бормотал себе под нос. Я поровнялся с ним и предложил ему пойти куда-нибудь вместе выпить бутылку вина. Он шел все так же скоро и недовольно оглянулся на меня; но, разобрав, в чем дело, остановился.

— Что ж, я не откажусь, ежели вы так добры, — сказал он. — Вот тут есть маленький кафе, тут зайти можно — простенькое, — прибавил он, указывая на распивную лавочку, которая была еще отворена.

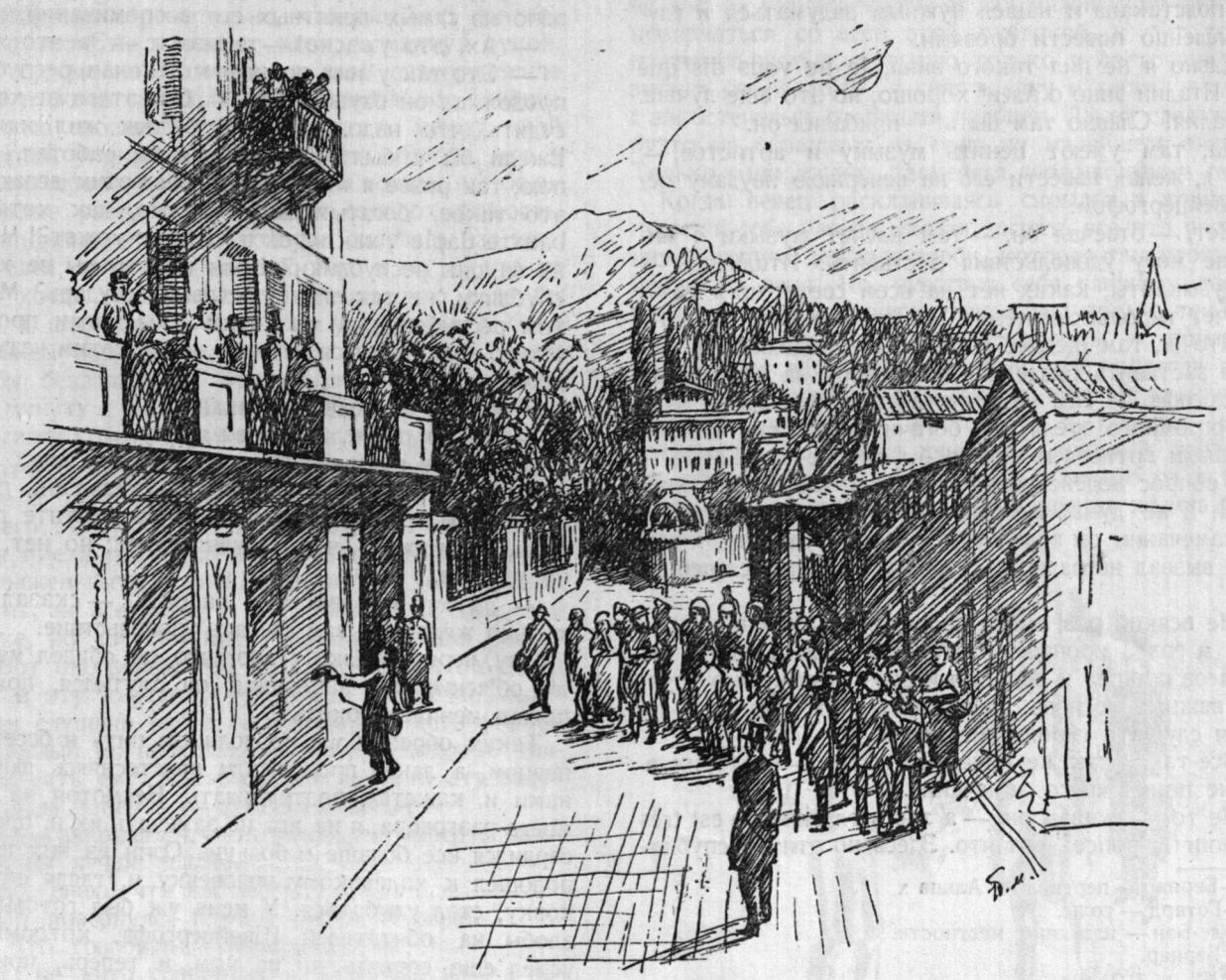
Его слово «простенькое» невольно навело меня на мысль не идти в простенькое кафе, а идти в Швейцергоф, туда, где были те, которые его слушали. Несмотря на то что он с робким волнением несколько раз отказывался от Швейцергофа, говоря, что там слишком парадно, я настоял на своем, и он, притворяясь уже, что нисколько не смущен, весело размахивая гитарой, пошел со мной назад по набережной. Несколько праздных гуляк, как только я подошел к певцу, пододвинулись, прислушались к тому, что я говорил, и теперь, рассуждая между собой, пошли за нами до самого под'езда, ожидая, верно, от тирольца еще какого-нибудь представления.

Я спросил бутылку вина у кельнера, который встретился мне в сенях. Кельнер улыбаясь посмотрел на нас и, ничего не ответив, пробежал мимо. Старший кельнер, к которому я обратился с той же просьбой, серьезно выслушал меня и, оглядев с ног до головы робкую, маленькую фигуру певца, строго сказал швейцару, чтоб нас провели в залу налево. Зала налево была распивная комната для простого народа. В углу этой комнаты горбатая служанка мыла посуду, и вся мебель состояла в деревянных голых столах и лавках. Кельнер, который пришел служить нам, поглядывая на нас с кроткой насмешливой улыбкой и засунув руки в карманы, переговаривался о чем-то с горбатой судомойкой. Он, видимо, старался дать нам заметить, что, чувствуя себя по общественному положению и достоинствам неизмеримо выше певца, ему не только не обидно, но истинно забавно служить нам.

— Простого вина прикажете? — сказал он с знающим видом, подмигивая мне на моего собеседника и из руки в руку перекидывая салфетку.

— Шампанского и самого лучшего, — сказал я, стараясь принять самый гордый и величественный вид. Но ни шампанское, ни мой будто бы гордый и величественный вид не подействовали на лакея: он усмехнулся, постоял немножко, глядя на нас, не торопясь посмотрел на золотые часы и тихими шагами, как бы прогуливаясь, вышел из комнаты. Скоро он возвратился с вином и еще двумя лакеями.

При огне я рассмотрел певца лучше. Это был крошечный, пропорционально сложенный жилистый человек, почти карлик, с щетинистыми черными волосами, всегда плачущими большими черными глазами, лишенными ресниц, и чрезвычайно приятным, умильно сложенным ротиком. У него были маленькие бакенбарды, волосы были недлинны, одежда была самая простая и бедная. Он был нечист, оборван, загорел и вообще имел вид трудового человека. Он скорее был похож на бедного торговца, чем на артиста. Только в постоянно влажных, блестящих глазах и собранном ротике было



Певец снял фуражку и, размахнув гитарой, приблизился к дому.

что-то оригинальное и трогательное. На вид ему можно было дать от двадцати пяти до сорока лет; действительно же ему было тридцать восемь.

Вот что он с добродушной готовностью и очевидной искренностью рассказал про свою жизнь. Он из Аргови. В детстве еще он потерял отца и мать, других родных у него нет. Состояния он никогда не имел никакого. Он обучался столярному мастерству, но двадцать два года тому назад у него сделался костоед в руке, лишивший его возможности работать. Он с детства имел охоту к пению и стал петь. Иностранцы давали ему изредка деньги. Он сделал из этого профессию, купил гитару, и вот восемнадцатый год странствует по Швейцарии и Италии, распевая перед гостиницами. Весь его багаж — гитара и кошелек, в котором у него теперь было только полтора франка, которые он должен проспать и проесть нынче же вечером. Он каждый год, уж восемнадцать раз, проходит все лучшие, наиболее посещаемые места Швейцарии: Цюрих, Люцерн, Интерлакен, Шамуни и т. д.; через St.-Bernard[1] проходит в Италию и возвращается через St.-Gotard[2] или через Савойю. Теперь ему тяжело становится ходить, потому что от простуды он чувствует, что боль в ногах с каждым годом усиливается и что глаза и голос его становятся слабее. Несмотря на это, он теперь отправляется в Интерлакен, Aix les-Bains[3] и через малый St.-Bernard[4] в Италию, которую он особенно любит; вообще, как кажется, он очень доволен своей жизнью.

Когда нам принесли льду и я налил моему собеседнику стакан шампанского, ему, видимо, стало неловко, и он, оглядываясь на лакеев, поворачивался на своей лавке. Мы чокнулись за здоровье артистов; он отпил полстакана и нашел нужным задуматься и глубокомысленно повести бровями.

— Давно я не пил такого вина, je ne vous dis que ça[5]. В Италии вино d'Asti[6] хорошо, но это еще лучше. Ах, Италия! Славно там быть!— прибавил он.

— Да, там умеют ценить музыку и артистов, — сказал я, желая навести его на вечернюю неудачу перед Швейцергофом.

— Нет, — отвечал он, — там насчет музыки я никому не могу удовольствия доставить. Итальянцы — сами музыканты, каких нет на всем свете; но я только насчет тирольских песен. Это им все-таки новость.

— Что ж, там щедрее господа? — продолжал я, желая его заставить разделить мою злобу на обитателей Швейцергофа. — Там не случится так, как здесь, чтобы из огромного отеля, где богачи живут, сто человек бы слушали артиста и ничего бы ему не дали...

Мой вопрос подействовал совсем не так, как я ожидал. Он и не думал негодовать на них; напротив, в моем замечании он видел упрек своему таланту, который не вызвал награды, и старался оправдаться передо мной.

— Не всякий раз много получишь, — отвечал он.— Иногда и голос пропадет, устанешь, ведь я нынче девять часов прошел и пел целый день почти. Оно трудно. А важные господа аристократы, им иногда и не хочется слушать тирольские песни.

— Все-таки, как же ничего не дать? — повторил я. Он не понял моего замечания.

— Не то, — сказал он, — а здесь главное on est très serré pour la police[7], вот что. Здесь по этим республиканским законам, вам не позволяют петь, а в Италии вы можете ходить, сколько хотите, никто вам слова не скажет. Здесь ежели захотят вам позволить, то позволят, а не захотят, то вас в тюрьму посадить могут.

Мы продолжали пить и беседовать с певцом, а лакеи продолжали не стесняясь любоваться нами...

— Как, неужели?

— Да. Ежели вам раз заметят, а вы будете еще петь, вас могут в тюрьму посадить. Я уж просидел три месяца, — сказал он улыбаясь, как будто это было одно из самых приятных его воспоминаний.

— Ах, это ужасно! — сказал я. — За что же?

— Это так у них по новым законам республики, — продолжал он одушевляясь. — Они этого не хотят рассудить, что надо, чтобы и бедняк жил как-нибудь. Ежели бы я был не калека, я бы работал. А что я пою, так разве я кому-нибудь вред этим делаю? Что ж это такое, богатым жить можно, как хотят, а un bauvre tiaple[8], как я, уж и жить не может?! Что ж это за законы республики? Коли так, то мы не хотим республики, не так ли, милостивый государь? Мы не хотим республики, а мы хотим... мы хотим просто... мы хотим...—он замялся немного,— мы хотим натуральные законы.

Я подлил ему еще в стакан.

— Вы не пьете, — сказал я ему.

Он взял в руку стакан и поклонился мне.

— Я знаю, что вы хотите, — сказал он, прищуривая глаз и грозя мне пальцем: — вы хотите подпоить меня, посмотреть, что из меня будет; но нет, это вам не удастся.

— Зачем же мне вас напоить? — сказал я. — Я только желал бы вам сделать удовольствие.

Ему, верно, жалко стало, что он обидел меня, дурно об'яснив мое намерение, он смутился, привстал и пожал меня за локоть.

Таким образом мы продолжали пить и беседовать с певцом, а лакеи продолжали не стесняясь любоваться нами и, кажется, подтрунивать. Несмотря на интерес моего разговора, я не мог не замечать их и, признаюсь, сердился все больше и больше. Один из них привстал, подошел к маленькому человечку и, глядя ему в маковку, стал улыбаться. У меня уж был готовый запас злобы на обитателей Швейцергофа, который я не успел еще сорвать ни на ком, и теперь, признаюсь,

[1] Сен-Бернар — перевал в Альпах.
[2] Сен-Готард — тоже.
[3] Экс-ле-Бэн — название местности.
[4] Сен-Бернар.
[5] «Скажу я только».
[6] Название вина.
[7] «Здесь очень жмет полиция».
[8] Бедняк.

эта лакейская публика так и подмывала меня. Швейцар, не снимая фуражки, вошел в комнату и, облокотившись на стол, сел подле меня. Это последнее обстоятельство, задев мое самолюбие или тщеславие, окончательно взорвало меня и дало исход той давившей злобе, которая весь вечер собиралась во мне. Зачем у под'езда, когда я один, он мне униженно кланяется, а теперь, потому что я сижу со странствующим певцом, он грубо рассаживается рядом со мной?

— Чему вы смеетесь? — закричал я на лакея, чувствуя, как лицо мое бледнеет и губы невольно подергиваются.

— Я не смеюсь, я так, — отвечал лакей, отступая от меня.

— Нет, вы смеетесь над этим господином. И какое право вы имеете тут быть и сидеть здесь, когда тут гости. Не сметь сидеть!— закричал я.

Швейцар, ворча что-то, встал и отодвинулся к двери.

— Какое вы имеете право смеяться над этим господином и сидеть с ним рядом, когда он гость, а вы лакей? Отчего вы не смеялись надо мной нынче за обедом и не садились со мной рядом? Оттого, что он бедно одет и поет на улице? От этого? А на мне хорошее платье. Он беден, но в тысячу раз лучше вас, в этом я уверен. Потому, что он никого не оскорбил, а вы оскорбляете его.

— Да я ничего, что вы, — робко отвечал мой враг-лакей. — Разве я мешаю ему сидеть?

Лакей не понимал меня, и моя немецкая речь пропадала даром.

Грубый швейцар вступился было за лакея, но я напал на него так стремительно, что швейцар притворился, что тоже не понимает меня, и махнул рукой. Горбатая судомойка, заметив ли мое разгоряченное состояние и боясь скандала или разделяя мое мнение, приняла мою сторону и, стараясь стать между мной и швейцаром, уговаривала его молчать, говоря, что я прав, а меня просила успокоиться. Но во мне все больше и больше разгоралась злобная словоохотливость. Я все припомнил: и толпу, которая смеялась над ним, и слушателей, ничего не давших ему, и ни за что на свете не хотел успокоиться. Я думаю, что если бы кельнеры и швейцар не были так уклончивы, я бы с наслаждением подрался с ними или палкой по голове прибил бы беззащитную английскую барышню. Если бы в эту минуту я был в Севастополе, я бы с наслаждением бросился колоть и рубить в английскую траншею.

— И отчего вы провели меня с этим господином в эту, а не в ту залу? А? — допрашивал я швейцара, ухватив его за руку, чтобы он не ушел от меня. — Какое вы имели право по виду решать, что этот господин должен быть в этой, а не в той зале? Разве, кто платит, не все равны в гостиницах? Не только в республике, но во всем мире. Паршивая ваша республика!.. Вот оно равенство. Англичан вы бы не смели провести в эту комнату, тех самых англичан, которые даром слушали этого господина, то есть украли у него каждый по нескольку сантимов, которые должны были дать ему. Как вы смели указать эту залу?

— Та зала заперта, — отвечал швейцар.

— Нет, — закричал я, — неправда, не заперта зала.

— Так вы лучше знаете.

— Знаю, знаю, что вы лжете.

Швейцар повернулся плечом прочь от меня.

— Э! Что говорить! — проворчал он.

— Нет, не «что говорить», — закричал я, — а ведите меня сию минуту в залу.

Несмотря на увещанья горбуньи и просьбы певца идти лучше по домам, я потребовал оберкельнера и пошел в залу вместе с моим собеседником.

Зала была действительно отперта, освещена, и за одним из столов сидели, ужиная, англичанин с дамой. Несмотря на то что нам указали особый стол, я с грязным певцом подсел к самому англичанину и велел сюда подать нам неконченную бутылку.

Англичане сначала удивленно, потом озлобленно посмотрели на маленького человечка, который ни жив ни мертв сидел подле меня; они что-то сказали между собой, она оттолкнула тарелку, зашумела шелковым платьем, и оба скрылись. За стеклянными дверьми я видел, как англичанин что-то озлобленно говорил кельнеру, беспрестанно указывая рукой по нашему направлению. Кельнер высунулся в дверь и взглянул в нее. Я с радостью ожидал, что придут выводить нас и можно будет, наконец, вылить на них все свое негодование. Но, к счастью, хотя это тогда мне было неприятно, нас оставили в покое.

Певец, прежде отказывавшийся от вина, теперь торопливо допил все, что оставалось в бутылке, с тем чтобы только поскорей выбраться отсюда. Однако он с чувством, как мне показалось, отблагодарил меня за угощенье. Плачущие глаза его сделались еще более плачущими и блестящими, и он сказал мне самую странную, запутанную фразу благодарности. Но все-таки эта фраза, в которой он говорил, что ежели бы все так уважали артистов, как я, то ему было бы хорошо и что он мне желает всякого счастья, была мне очень приятна. Мы вместе с ним вышли в сени. Тут стояли лакеи и мой враг-швейцар, кажется, жаловавшийся им на меня. Все они, кажется, смотрели на меня как на умалишенного. Я дал маленькому человечку поровняться со всей этой публикой, и тут со всей почтительностью, которую только в состоянии выразить в своей особе, я снял шляпу и пожал ему руку с закостенелым отсохшим пальцем. Лакеи сделали, как будто не обращают на меня ни малейшего внимания. Только один из них засмеялся сардоническим смехом.

Когда певец раскланиваясь скрылся в темноте, я пошел к себе наверх, желая заспать все эти впечатления и глупую детскую злобу, которая так неожиданно нашла на меня. Но, чувствуя себя слишком взволнованным для сна, я опять пошел на улицу, с тем чтобы ходить до тех пор, пока успокоюсь, и, признаюсь, кроме того в смутной надежде, что найдется случай сцепиться с швейцаром, лакеем или англичанином и доказать им всю их жестокость и, главное, несправедливость. Но, кроме швейцара, который, увидав меня, повернулся ко мне спиной, я никого не встретил и один-одинешенек стал взад и вперед ходить по набережной.

БИОСКОП

или разные сообщения о вещах мелких и крупных, известных и неизвестных, видимых и невидимых.

Кто самый большой на земле? Многие скажут: «Ну, конечно, слон!» Другие скажут: «Кит». Есть киты почти в 30 метров длиной. Такой кит весит 100 тонн. Много надо сложить вместе слонов, чтобы получился один такой кит! И все-таки кит — не самое большое живое существо. Больше его североамериканское дерево секвойя, или веллингтония, верхушка которого подымается на 100 метров над землей. Еще выше австралийский эвкалипт, достигающий 150 метров высоты. Но и эвкалипт — не самый большой. Больше его... водоросль макроцистис: ее длина — 300 метров. Густые подводные леса этой водоросли растут у Огненной земли. Дарвин говорит, что тысячи животных зависят в своей жизни от этих лесов и погибли бы вместе с ними.

Эта водоросль и есть самое большое живое существо на земле.

●

Хищник, прожорливее льва и тигра, живет в наших садах и полях. Это крот. Он с'едает в день столько червяков, насекомых и их личинок, сколько весит его тело. Если бы человек среднего роста обладал апетитом крота, ему бы пришлось с'едать в день по 50 килограммов.

●

Ревностный любитель животных поймал гадюку, посадил ее в ящик — террариум — и решил наблюдать ее жизнь. Все бы хорошо, только змея словно об'явила голодовку: какую он ей пищу ни предлагал: и лягушек, и мышей, и сырое мясо,— ничего она в ящике не брала. Любитель был упрям. Он подумал: «Голод — не тетка: проберет, так сама попросишь!» Но змея была еще упрямее. Любитель уехал надолго и забыл про змею. Но когда он вернулся, злобное шипенье известило его, что пленница его жива, здорова и упряма попрежнему. Он побежал к другу, такому же любителю животных: «Ты подумай: полгода ничего не ела — и хоть бы что!»

Друг достал коробочку с стеклянной крышкой. «Вот сюда,— сказал он,— два года назад я запер клопа и решил уморить его голодом». В коробочке сидел живой клоп и вокруг него добрый десяток маленьких! «Видно, — прибавил друг, — этот род казни применим не для всех животных».

Наше сердце бьется 70 раз в минуту. Когда сердце делает 80 или 90 ударов в минуту, человек нездоров. У него «лихорадочный пульс». А у маленькой, ростом с бабочку, тропической птички колибри сердце бьется 900 раз в минуту.

Какое самое маленькое живое существо? Этого мы не знаем. В микроскоп видели бактерии размером в 1/5000 миллиметра. Но есть еще меньше, и их нельзя увидеть ни в какой микроскоп. В Японии свирепствует сейчас эпидемия сонной болезни. Микробов, вызывающих ее, никто не видел. Ученый Де Этелль заметил, что колонии бактерий, которых он разводил в стеклянных чашечках, погибают как бы от какой-то страшной заразы. Когда он взял капельку из этой чашечки и перенес в другую, где тоже разводилась колония бактерий, погибли и эти. Значит, есть бактерии для бактерий. Де Этелль назвал их «пожирателями бактерий». Думают, что их размеры в сто тысяч раз меньше одного миллиметра.

Мировой рекорд по прыжку принадлежит блохе. Блоха прыгает на 1 метр. Если бы она была ростом с человека, она могла бы прыгнуть почти на километр. Человеку, умеющему прыгать как блоха, незачем было бы пользоваться трамваем и метро. Ему ничего не стоило бы прыгнуть сразу через всю улицу Кирова в Москве; с площади Дзержинского — до Красных ворот.

СЕКРЕТЫ ВЕТРА

Рис. А. Шульца.

Ветер плавно шевелит верхушки сосен, шелестит листвой, гонит пыль по дороге или сухой лист осенью. Ветер сдувает шляпы с голов, хлопает ставнями, открытыми створками окон и дверей, свирепо гудит на чердаках. Ветер иногда бушует гневно и бурно: низко склоняются деревья, сухие ветки и листья несутся тучами; хлопают непрочно прибитые листы железной крыши; мечется дым из трубы. Ветер иногда срывает крыши, рушит заборы, с корнем вырывает вековые сосны, дубы, березы — целые прогалины бурелома остаются в лесу.

Невидимый воздушный океан непостоянен и переменчив. В этом еще нет ни секрета, ни загадки, тут нет ничего нового: эти явления изо дня в день изучают метеорологи, с ними хорошо знакомы капитаны кораблей, летчики и все, кому надо считаться с ветром и погодой.

Воздух всюду, и ветер можно создать везде и всегда. Дуньте перед собой—от губ помчится струя воздуха. Взмахните книгой — снова поток воздуха, способный сдуть листки со стола; откройте окно и дверь — возникает сквозняк: легкие вещи на столе оживут, края скатерти зашевелятся, от окна к двери промчится живое дуновение.

С этими маленькими домашними ветерками можно проделать у себя за столом ряд интересных опытов, опытов забавных, любопытных и неожиданных для многих. Эти опыты откроют многие секреты ветра, секреты, которые надо знать всякому, а особенно необходимо знать будущим летчикам, парашютистам, мореплавателям.

Начнем с самого простого опыта. Возьмите листок почтовой бумаги, прижмите его поперек лежащей линейкой и протяните его под ней, поднимая вверх: листок будет изогнут. Возьмите его двумя руками за концы, поднесите ко рту и подуйте вдоль его изогнувшейся поверхности как на рис. 1. Вдоль горба пройдет струя воздуха и прижмет горб вниз. Казалось бы так.

Рис. 1.

Ничего подобного. Стоит вам подуть вдоль горба — он начнет больше выгибаться вверх, свободный конец листка поднимется, и, чем сильнее вы дуете, тем выше будет забираться конец листка. Как ни дуть на горб, он не опустится: листок взмоется вверх вопреки струе.

Возьмите два листочка, сложите их вместе, но с промежутком, вложив между ними указательные

пальцы обеих рук, и, поднеся ко рту, дуньте между листками в узенький промежуток между ними. Струя воздуха, проникая между листками, должна их раздвинуть.

Ничего подобного. Как бы ни отвисал нижний листок от верхнего при дутье, оба они немедленно слипнутся как склеенные.

Сделаем другой опыт. Приклеем к узенькому куску картона с обеих сторон по полоске тонкой бумаги так, чтобы они держались загнутыми вдоль картона как на

Рис. 2.

рис. 2, и чем круче загнутыми, тем лучше. Подуйте вдоль картона. Полоски неожиданно поднимутся вверх, и, если дуть будете сильнее, они завернутся на картон с обеих сторон, как будто стремясь на него лечь.

Если из тонкой бумажки сделать вроде мостика и положить его на гладкий стол, лучше на стекло (рис. 3), и, прижав один конец к столу, подуть через трубочку прямо на горб моста, можно подумать, что от струи воздуха мостик распрямится и пропадет, останется плоский листок, вытянутый на столе. Ничего подобного: как только струя воздуха коснется арки моста, мостик поведет себя самым странным образом: он выгнется в сторону струи, и свободный конец бумажки поползет навстречу ей.

Рис. 3.

Два целюлоидных шарика от пинг-понга (настольного тенниса) дадут возможность проделать интересный опыт. Повесьте их на ниточке рядом, с промежутком сантиметра в два, и подуйте между ними через трубочку, но так, чтобы струя воздуха прошла между ними, не задевая шариков. Когда это вам удалось, шарики неожиданно стремительно сблизятся.

С одним шариком можно сделать еще более неожиданный опыт.

Склеивают две воронки, одну вставляют в другую, чтобы между ними образовался промежуток, прокладывают между ними обмазанные клеем три спички, и воронка получается как на рис. 4. Конец внутренней воронки глухой: когда вы дуете, воздух проходит в узкое пространство между воронками. Шарик кладут на проволочное колечко, которое держат в одной руке, в другой — воронку. Дуйте сильнее в последнюю навстречу

Рис. 4.

шарику, приближая шарик к ней. При известном приближении шарик вдруг сорвется с кольца, прилипнет к воронке и будет висеть в ней, пока вы не перестанете дуть. Как только поток воздуха прекратится, шарик упадет на пол.

С шариком можно проделать еще интересный опыт. Положите его на стекло, а с помощью трубки подуйте над ним, возможно ближе к поверхности, как на рис. 5. Шарик подскочит и помчится вперед. При некоторой удаче и нескольких пробах таким путем его можно загнать в стакан одним прыжком.

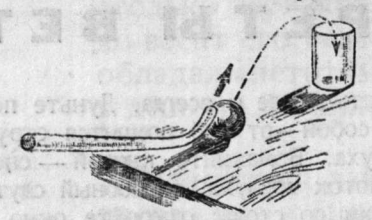


Рис. 5.

Из этого опыта можно сделать настольную игру. Несколько играющих с трубками в руках, сидя вокруг стола, загоняют таким путем поочереди свои шарики в стакан.

Шарик не подскочит, если дуть прямо на него, он будет только катиться. Заставить его подпрыгнуть можно, лишь дуя н а д ним.

Еще одно простое приспособление — и мы получим возможность показать любопытный опыт. Вырежьте из жести, а лучше из алюминия два небольших, в двадцатикопеечную монету, диска. Посадите их на проволоку так, чтобы один диск был неподвижен, а другой бы мог по проволоке передвигаться (рис. 6). Держите проволочку перед собой так, чтобы неподвижный диск был ближе к вам, а подвижный отодвинут от первого на 2 — 3 см. Подуйте на неподвижный диск, который защищает следующий от потока воздуха. Вы подули—и... зад-

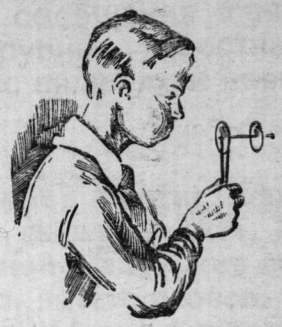


Рис. 6.

ний диск скользнул по проволоке и бежит навстречу потоку! Приборчик этот легко сделать, а опыт поражает зрителей. Сделайте его непременно.

Вы создаете поток воздуха, а он дарит вас фокусами, которые не всегда и предугадаешь. Чтобы видеть, куда ветер стремится, очень удобно пускать дым, а в некоторых случаях большую помощь окажет свеча: ее пламя колеблется и пока-

Рис. 7.

зывает, с какой стороны дует ветер и куда он дует, постоянный он или порывистый.

Укрепите огарок зажженной свечи на ящике, ящик поставьте на стол, а трубочку подведите к самому основанию ящика и подуйте в трубку (рис. 7). Что случится с пламенем свечи? Оно повернется к вам, и, если вы дуете достаточно равномерно, пламя так и останется в наклонном, почти горизонтальном положении, направленном в сторону дующего.

Не довольно ли? Еще многое множество опытов с домашними ветерками можно проделать, но на все в журнале не хватит места. Подумайте над теми, что проделаны, и найдите им об'яснение. А в следующем номере проверите, верно ли вы решили загадки ветра.

С. Б.

Ответ. редактор **Б. ИВАНТЕР** Худ. редактор **М. АСКИНАЗИ** Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Сдано в набор 10/X—1935 г. Подписано к печати 28/X—1935 г. Изд. № 963. Формат 62×94 см. 3 п. л. 55000 зн. в печ. л.

Уполномоченный Главлита № Б—8982 Заказ № 2163 Тираж 60.000

Типография газеты „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 8.

ПЕРЕПИСКА С ШАХМАТИСТАМИ

Пете Вафиади. Ярцево, Западной области.

Ты спрашиваешь, почему, когда печатают задачу, то пишут мат в 2 хода или в 3 хода, но не пишут кому: белым или черным.

Дело в том, что в задачах и этюдах, так же как и в шахматной партии, первый ход всегда делают белые, и по давно установившимся правилам составления задач и этюдов выигрывают всегда начинающие, т. е. белые. Поэтому и не пишут, кому дать мат, а подразумевают мат черным.

Есть задачи, когда выигрывают черные, но в таких случаях это обязательно пишут в условиях.

Ты еще пишешь, что некоторые ребята, играя, применяют правило, при котором тот из противников, который доведет своего короля до 8-й или 1-й горизонтали, имеет право поставить себе новую пешку.

Такого правила не существует. У каждого из противников имеется только 16 фигур, и это количество не может быть увеличено, причем, как я уже писал раньше, только пешки, дойдя до 8-й или до 1-й горизонтали, могут быть превращены в любую фигуру, все же остальные фигуры этим свойством не обладают.

А. Акопову. Азербайджан.

Шахматную литературу можно выписать наложенным платежом по следующим адресам:

Ленинград, ДЮДК, Проспект 25 Октября, № 66.

Москва, магазин № 43, Неглинная, № 8.

И. Рымарю. Киев.

Ты прислал мне две задачи и просишь дать о них заключение.

Первая задача *(белые:* Крb6, Лg1, Кd2, Ке3, пешки: b2, c5, e2 (7), *черные:* Крd4, Ле5, Cd1, пешки: d3, e4 (5)). Мат в два хода. Эта задача составлена правильно, и для начинающего это хорошая задача. Предлагаю нашим читателям найти решение этой задачи.

О второй задаче я напишу тебе особо.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ

В № 11—12 журнала «Пионер» были помещены задачи, вот их решения:

Задача М. М. Барулина. (Белые: Крa5, Фh3, Лd8, Лg4, Кd5, Ке7; пешки: a2, e3 (8). Черные: Крc4, Кa4; пешки: c6, c5, d4, f6, f4, g5 (8). Мат в два хода.

1. Ке7 — f5! после этого хода белых черные обязательно получают мат на следующем ходу. Рассмотрим все возможные варианты.

I вариант: 1. f4 —f3

2. Фh3 — f1 ✕ закрыться пешкой черные не могут, так как открывается король.

II вариант: 1. d4 — d3

2. Кf5 — e3 ✕ бить коня нельзя, так как открывается король.

III вариант: 1. d4 : c3

2. Кd5 — e3 ✕

опять-таки коня бить нельзя.

IV вариант: 1. c6 : d5

2. Кf5 — d6 ✕

V вариант: 1. Кa4 : c3

2. Кd5 — b6 ✕

Задача С. Лойда (Белые: Крf4, Фa2, Cd5; пешка: b2 (4): черные: Крd4, Cf1; пешки: c5, f5 (4).

Мат в три хода.

В этой задаче есть три варианта: 1. Cd5 — c4. Если после этого хода белых черные берут слона:

1. Cf1 : c4

2. Фa2 — a4 2. Крd4 — d3 или d5, других ходов у черных нет,

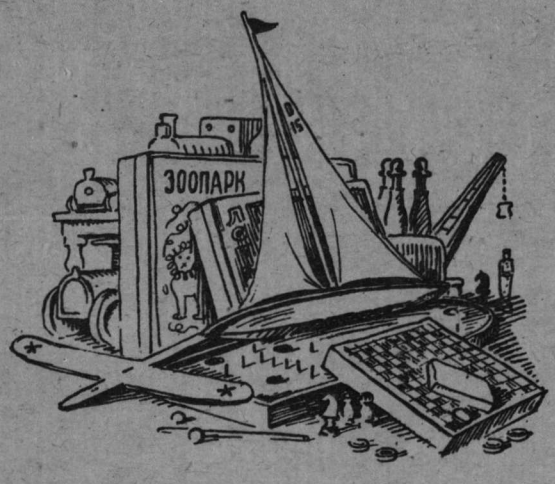
3. Фa4 — d1 или на d7 — мат.

Если черные после первого хода белых не будут брать слона, а пойдут своим слоном на g2 или h3; — 1. Cd5 — c4! 1. Cf1 — g2 или h3.

2. Фa2 — b3, и следующим ходом обязательный мат ферзем на c3. Если черные пойдут на первом ходу своим слоном на d3.

1. Cd5 — c4 1. Cf1 — d3

2. Cc4 — c6 и следующим ходом мат, как бы черные ни ходили.



ИГРУШКИ, ПОСОБИЯ И МЕБЕЛЬ ДЛЯ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ И СЕМЬИ продает Леонтьевское отделение Об'единения производственных и торговых предприятий Деткомиссии при ВЦИК (бывш. Кусторг).

Подбор игрушек, пособий и других предметов оборудования производится по спискам, утвержденным Комитетом по игрушкам при Наркомпросе.

ЗАКАЗЫ ВЫПОЛНЯЮТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ ПЕДАГОГОВ-товароведов. С целью лучшего обслуживания покупателей Леонтьевское отделение предлагает отделам народного образования присылать коллективные заявки детучреждений непосредственно или через местные торгующие организации.

ОПТОВАЯ ПРОДАЖА — Москва, Леонтьевский, 7, тел. 5-95-60.

Оптовые заказы исполняются по получении денег на контокоррентный счет № 150/955 Краснопресненского отделения Госбанка — Москва, Миусская пл., 1.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА игрушек и пособий производится при главном розничном магазине — Москва, Леонтьевский пер., 7, тел. 4-69-57 и Петровка, 12, тел. 5-95-61.

Списки рекомендованных игрушек и пособий высылаются по требованию.

Письменные оптовые заказы просим направлять по адресу: Москва, Леонтьевский, 7, Отдел оборудования детских учреждений.

Цена 30 коп.

№7645

Ц 193
Акт № 190